

Александр Антонов
Звёзды против свастики

КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ
Альтернативная сага

Александр Антонов
Звёзды против свастики.
КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ.
Альтернативная сага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42541052

ISBN 9785449672049

Аннотация

Из этого боя Каплер твёрдо намеревался выйти победителем. Русские Т-34 – отличные машины, но двукратное превосходство немецких Т-IV делало их положение безнадёжным. Здесь, как в ковбойском фильме, побеждает тот, кто стреляет первым. Сегодня Каплеру это удалось сделать дважды. Последним выстрелом он снёс русскому танку башню и теперь лихорадочно искал новую цель. В перекрестие попал... «Тигр»! И Каплера не стало: снаряд «Тигра», пробив крест на башне танка, поставил крест на его карьере и жизни.

Содержание

19-АПРЕЛЬ-41	5
Служили два товарища, ага...	5
Не пыли, пехота...	9
19-МАЙ-41	85
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Звёзды против свастики КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ. Альтернативная сага

Александр Антонов

*«Им нужны великие потрясения,
нам нужна Великая Россия!»*

П. А. Столыпин

© Александр Антонов, 2019

ISBN 978-5-4496-7204-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЯТАЯ

19-АПРЕЛЬ-41

Служили два товарища, ага...

– Товарищ подполковник, капитан Грачкин, представляюсь по случаю прибытия к новому месту службы!..

Вечером комендант военной базы «Заячий остров» подполковник Шарабарин и его новый заместитель на пару потребляли привезённый Грачкиным коньяк.

– Только мы тут с тобой настоящие чекисты! – пьяно тряс головой Шарабарин. – И нечего нам добро, – он указал пальцем на бутылку коньяка, – на всякую мутотень переводить.

Грачкин согласно кивал, хотя в душе был с товарищем подполковником не согласен, он рассчитывал на более представительную компанию, но спорить с начальством всё одно, что сать против ветра, а Грачкин на своей шкуре испытал, каково это, иначе не угодил бы в эту ссылку...

– ... Вот вы мне скажите, товарищ подполковник, – канючил Грачкин.

– Не «товарищ подполковник», а Виталий Аристархович, – поправил его Шарабарин, – мы же условились: без чинов.

– Виноват, товарищ... Виталий Аристархович. Вот вы мне

скажите: должен был я выполнить просьбу старшего по званию, или нет?

– Нет, не должен, – мотнул головой Шарабарин, и, насладившись растерянностью на лице Грачкина, воздел палец к потолку: – Обязан!

– Вот и я так думаю, – вновь воспрянул духом Грачкин, – а они меня за это вместо обещанного повышения – в звании понизили, и в эту дыру запихали! Ой, простите...

– Бог простит, – отмахнулся Шарабарин. – Я тебе, брат Грачкин, больше скажу: у этой дыры есть более конкретное имя – жопа! Чё ты на меня вылупился, как баран на новые ворота? Да, меня, в отличие от тебя, сюда на повышение прислали, и даже звание очередное присвоили досрочно, а всё равно как наказали. И всё из-за какой-то сучки... – В этом месте Шарабарин опомнился и строго погрозил Грачкину пальцем. – Я последних слов не говорил, а ты их не слышал, понял?!

– Так точно, – кивнул Грачкин, – Я – могила!

– Это если будешь языком трепать, тогда да: ты – могила, – зловеще пообещал Шарабарин, и тут же лицо его расплылось в улыбке: – А пока язык за зубами держишь – живи, брат Грачкин! Скажу больше: держись меня. Станем вместе из этой задницы выбираться.

**

Три ступеньки вниз. За массивной деревянной дверью хозблок. Справа просторная вешалка, слева вход в умывальник. Там же, возле умывальника, дверь нужника. Ещё одна дверь, за ней недлинный коридор, с каждой стороны по четыре двери, за ними крохотные комнатухи. Офицерское общежитие номер два, так на канцелярском языке именовалось это отдельно расположенное сооружение. Именно сооружение, и именно отдельно расположенное. Назвать его отдельно стоящим зданием язык не поворачивался, поскольку врыто оно в землю почтай по самую крышу. По этой причине все окна в эту самую крышу и вмонтированы. Потолки низкие. По такому же принципу построен и остальной военный городок, который в донесениях именовался «Турбаза «Заячий остров».

Таких зарытых по самые уши в землю гарнизонов построено вдоль наших западных рубежей за месяц, предшествующий германскому вторжению, где-то с десятков. В случае продвижения противника вглубь союзной территории их предполагалось использовать в качестве опорных пунктов для разведывательно-диверсионной деятельности в тылу врага.

Как на посту коменданта одного из таких гарнизонов оказался шkodливый майор, а теперь уже и подполковник Шарабарин, и уже тем более как к нему в помощники затесался любитель подслушивать чужие разговоры бывший майор,

а ныне капитан Грачкин, следовало спросить у неизвестного крючкотвора из кадрового управления КГБ. Впрочем, он бы ответил: а что? Мне приказали отправить в дыру, я и отправил. И, поди, купи его за рупь за двадцать...

Не пыли, пехота...

Курьерский из Петрограда останавливался редко, но на этой станции тормозил явно на стоянку. Сосед по купе, ухватив со стола пачку папирос, устремился в коридор. Вскоре стал слышен его разговор с проводницей:

– Хозяйка, что за станция, сколько стоим?

– Красноуфимск, стоим две минуты. Из вагона никого выпускать не буду!

– Да я только возле подножки подымлю...

Голоса стихли. Пётр, который собирался предложить Светлане размять ноги, разочарованно вздохнул:

– Только две минуты...

Добавить к сказанному нечего: и так понятно, что променад придётся отложить, скорее всего, до Екатеринбурга. Поезд, лязгнув напоследок буферами, замер у перрона.

Пётр машинально засёк время и вышел в коридор. Ничего примечательного за окошком не наблюдалось. Тёмно-серый после недавнего дождя перрон, кирпичное здание вокзала, к которому от поезда направлялось несколько человек с вещами. «Прибыли люди» – констатировал Пётр.

– Долгонько, однако...

Пётр взглянул на вышедшего из соседнего купе мужчину.

– Долго стоим, говорю, – пояснил тот. – Две минуты давно прошли.

Пётр посмотрел на часы и согласно кивнул.

– Действительно, – подтвердил он, – уже пошла шестая минута.

– Дойду до проводницы, узнаю, что стряслось, – сказал мужчина и стал протискиваться мимо Петра.

В это время за окном купе по соседнему пути загрохотал встречный поезд. И почти сразу позвала Светлана:

– Петя, посмотри!

Пётр вернулся в купе. Светлана смотрела в окно, за которым проходил грузовой состав. Это на него она предлагала посмотреть? Пётр присмотрелся и быстро понял, что привлекло его боевую подругу. За окном проходил не просто грузовой состав. По соседнему пути шёл воинский эшелон. Пассажирские вагоны чередовались с платформами; на них стояла прикрытая брезентом бронетехника, среди которой Пётр без труда отличил БМП. Перехватив взгляд жены, пожал плечами:

– Мало ли...

В дверях возник сосед по купе.

– Творится что-то странное, – возвестил он. – Проводница сказала, начальник поезда предупредил, что стоять будем долго, но сколько долго – неизвестно. И по какой причине – тоже. Так что можете пойти погулять.

– Вот здорово! – обрадовалась Светлана и засобиралась на выход.

Пётр восторгов жены никак не разделял, поскольку пони-

мал: подобная задержка может быть вызвана только особыми обстоятельствами; тем не менее встал и было собрался выйти вслед за Светой, как по пути, соседнему с тем, по которому только что проследовал поезд, застучал на стыках ещё один состав. И это снова был воинский эшелон.

– Ты идёшь? – торопила из коридора Светлана.

– Иди пока одна, – откликнулся Пётр, – я догоню...

– Так вы остаётесь? – обрадовался сосед. – Тогда я ещё разок курну, ладно? – и, не дожидаясь ответа, затопал по коридору вслед за Светланой.

По мере того, как по соседним путям один за другим проносились воинские эшелоны, всё тревожнее становилось на душе у Петра.

Вернулся сосед. Решительно сел на полку. Посоветовал:

– Идите. А то ваша супруга всё время на дверь вагона поглядывает.

На перроне встревоженная Светлана сразу спросила:

– Там, – кивнула в сторону, где невидимый за пассажирским поездом грохотал очередной состав, – проходят одни воинские эшелоны?

Пётр коротко кивнул, успокаивающе придержал жену за плечи, сказал:

– Я сейчас, – и направился в сторону группы людей, кучковавшейся вокруг высокого военного. Подойдя вплотную, козырнул:

– лейтенант Ежов! Товарищ капитан, разрешите вас

на пару слов?

Капитан кивнул, они отошли в сторону от остальных мужчин, среди которых, как заметил Пётр, был их поездной начальник.

– Слушаю вас, товарищ лейтенант. – Взгляд капитана был цепким, оценивающим.

– Вы военный комендант станции? – спросил Пётр.

Во взгляде капитана промелькнуло удивление:

– Точно так. Как определили, спрашивать не буду, спрошу: чего вы, товарищ лейтенант, хотите?

– Хочу знать, что происходит, – ответил Пётр.

– Ваши документы, – потребовал капитан.

Внимательно изучив предъявленные бумаги, вернул их владельцу. Спросил:

– А что сами успели заметить?

– Во-первых, – начал перечислять Пётр, – задержан курьерский поезд. Не под обгон, поскольку нас никто не обгонял, и, вообще, следом за нами никто не прибывал. Станция небольшая, я бы заметил. Во-вторых, все встречные поезда являются воинскими эшелонами. Идут они слишком плотно и, поскольку участок здесь двухпутный, смею предположить: идут по обоим путям одновременно.

Пётр замолк, а в глазах коменданта, казалось, промелькнуло уважение.

– Это всё, что успели заметить? – уточнил он.

– Всё, – подтвердил Пётр. – Мало?

– Нет, – покачал головой капитан, – вполне достаточно. Настолько достаточно, что прибавить мне к вашим наблюдениям нечего.

Капитан собрался было вернуться к группе ожидавших его людей, но Пётр его придержал:

– Товарищ капитан, вы видели мои документы. Скажите, может, мне сойти с поезда?

По взгляду капитана Пётр понял, что угадал. Но взгляд к делу не пришили. Ответил же капитан следующее:

– Следуйте, товарищ лейтенант, к месту назначения. Это всё, что я могу вам посоветовать. – И заметив, как огорчился Пётр, негромко добавил: – Эшелоны здесь всё одно останавливаться не будут.

Пройдя мимо ожидавшей его жены, Пётр молча полез в вагон. Встревоженная Светлана устремилась следом. Оказавшись вдвоём в купе, Пётр закрыл дверь, и лишь после этого взволнованно сказал:

– Светка, это наши!

**

«Подъезжаем к станции Екатеринбург, стоянка поезда двадцать минут!» Выдав это сообщение, поездное радио вернулось на музыкальную волну.

«Всё стало вокруг голубым и зелёным, вручьях забурлила, запела вода»...

Пётр решительно встал перед женой.

– Светка, я выхожу!

И тут же получил столь же решительный ответ:

– Я с тобой!

...«Любовь от себя никого не отпустит»...

Пётр ожидал уговоров, даже слёз, к этому он был готов.

Но такое... Эх, плохо он ещё знал свою жену!

– Светик, это неправильно. Я, если повезёт, сразу уеду в действующую армию – ты ведь понимаешь, что это война? – и ты останешься одна в чужом городе. Будет гораздо лучше, если ты доедешь до станции назначения, ведь оттуда рукой подать до нашего посёлка, там твоя мама, которой наверняка нужна сейчас поддержка...

У Пётра кончались аргументы, а Светлана, после сказанных ей слов, больше никак не реагировала, только смотрела на него распахнутыми настежь глазами. От этого взгляда по спине бежали мурашки, хотелось сказать: «Конечно, давай выйдем вместе!» Но говорить надо было другое, а нужные слова закончились.

– Вот и товарищ... – Пётр от отчаяния решил почему-то призвать на помощь соседа по купе, то ли рассчитывая, что у того словарный запас больше, то ли ещё по какой причине. Только тот, придавленный до того к полке словами о войне, вдруг разом обрёл подвижность, вскочил и, бормоча под нос какую-то околесицу, ужом выскользнул в коридор.

Пока Пётр растерянно смотрел ему вслед, Света встала,

закрыла дверь купе и обняла мужа за шею.

– Дурачок, – ласково сказала она. – Я ведь дочь командира, если ты не забыл. Мне с детства внушали, как следует себя вести в подобном случае. Я не буду на тебе виснуть и источать ручьями влагу. На фронт, так на фронт! В конце концов, на то ты и солдат! Но проводить мужа до эшелона долг каждой офицерской жены, и ты не должен лишать меня моего права! Давай собираться!

Дорогой читатель! Мы с тобой перелистнули уже не одну сотню страниц, и каждый раз ты тщательно обшаривал кусты в поисках спрятанного там рояля. В этот раз не буду оправдываться. Нет, всё-таки одно оправдание я себе позволю: жизнь – штука интересная и непредсказуемая, иногда она творит такие чудные вещи, которые ни одной рояльной фабрике не снились!

**

На одном из дальних путей станции Екатеринбург, возле замершего на техническую стоянку воинского эшелона отец обнимал дочь.

– Папка, – шептала Светлана, по щекам которой вопреки обещанию текли слёзы. – То, что мы здесь встретились, такое только в кино бывает...

Полковник Галин погладил дочь по волосам:

– Я тоже этому рад, но только с одной стороны. А с другой – лучше бы вы проехали мимо!

– Не понимаю... – вскинула глаза Светлана.

– Я ведь не хотел, чтобы Пётр поехал на эту войну. По крайней мере, не сейчас. Хотел, чтобы вы подольше побыли вместе, да и мать возле вас душой отдыхала. На него в штабе округа уже и приказ о новом назначении заготовили. Э, да что там говорить! – Полковник в сердцах махнул рукой.

– Папка, папка, – покачала головой Светлана. – Ты хоть Петру и командир, а характер его знаешь, выходит, плохо. Не стал бы он в тылу отсиживаться, когда вы воюете, добился бы отмены приказа и припустил за вами. Так что всё сегодня случилось правильно. Ты ведь с приказом о его новом назначении вопрос решишь?

– Решу. За это не волнуйся!

– А ты не волнуйся за нас. Особенно за маму. Ей скоро будет на что отвлечься...

– Ты это про что? – Галин внимательно посмотрел на скромно потупившую глаза дочь. – Да ладно... Быстро вы, однако, управились!

– А чего тянуть? – улыбнулась Светлана. – Или я не понимаю, какая теперь в мире обстановка?

– Пётр знает?

– Сейчас узнает.

– Это правильно. Так ему воевать легче будет. А вот и он! Раскрасневшийся от быстрого бега Пётр замер возле них.

– Устроился? – спросил Галин.

– Так точно!

– Вот и ладно. Вы тут прощайтесь, скоро отправляемся, а я пойду.

Галин поцеловал дочь и упругой походкой пошёл вдоль эшелона.

Сколько они так простояли, обнявшись – никто время не засекал. О чём говорили – никто не записывал. Только когда паровоз дал гудок, следом за которым лязгнули буфера вагонов, Пётр окатил на жену таким взглядом потерявшегося щенка, что она невольно улыбнулась сквозь слёзы:

– Целуй и беги! Обязательно возвращайся, а мы тебя ждать будем: я и твой сын!

В глазах Петра вспыхнула безумная радость. Он стал быстро-быстро целовать мокрое от слёз лицо Светланы на глазах у солдат, глядящих из окон проплывающего мимо состава.

– Беги, а то не успеешь! – Светлана вырвалась из объятий. Пётр метнулся к ближайшему вагону, где его подхватили крепкие руки товарищей и втащили на подножку. Он стоял на ней и махал пилоткой, пока поезд не увёз его за поворот...

Военный совет был прерван на полуслове вошедшим

в комнату адъютантом. Присутствующие с напряжением – понимали: без веской причины такого бы не случилось! – следили за тем, как подтянутый подполковник подошёл к командующему фронтом и о чём-то негромко стал докладывать. Брови командующего Западным фронтом генерал-полковника Рокоссовского взлетели вверх.

– Что, так и говорят: не терпит отлагательства? – во всеуслышание переспросил он.

– Так точно! – в той же тональности ответил адъютант.

– Ну, коли так... – Рокоссовский пожал плечами и посмотрел на собравшихся офицеров: – Командарм 5-й Сибирской!

С места вскочил немолодой уже генерал-лейтенант.

– Пройдите на узел связи, – недовольно морщась, приказал Рокоссовский. – Вас срочно требуют из штаба армии! А мы, – он оглядел остальных, – тем временем продолжим...

Генерал-лейтенант в сопровождении адъютанта командующего проследовал на узел связи и чуть ли не вырвал из руки связиста телефонную трубку.

– Прошкин у аппарата! – прорычал он.

Принятое сообщение вызвало сильный прилив крови к лицу и шее генерала.

– Да вы там что, вконец охренели! – прокричал он в трубку. На том конце что-то, видимо, пытались объяснить, но генерал слушать не стал, прокричав: – Да пошёл ты!...

Связист едва успел перехватить трубку, которой генерал

собирался шмякнуть об аппарат, тем самым предотвратив порчу казённого имущества.

– Что-то серьёзное? – полюбопытствовал подполковник, но генерал лишь зыркнул в его сторону налитым кровью глазом, потом как-то обречённо махнул рукой, сказал «Ээх!» и, расстёгивая на ходу ворот кителя, поплёлся к комнате, где шло совещание. Перед дверью всё же опомнился. Привёл себя в порядок, застегнул верхнюю пуговицу и лишь после этого вошёл.

Сообщение командующего 5-й армией вызвало за столом лёгкий переполох. Рокоссовскому же показалось, что он ослышался, и Константин Константинович переспросил:

– Повторите, товарищ генерал-лейтенант, что случилось с командиром 54-й бригады?

– Генерал-майор Волохин госпитализирован с подозрением на язву желудка! – испытывая крайнюю неловкость, повторил злосчастный Прошкин.

– Вы понимаете, что вы говорите?! – вскричал Рокоссовский. – Через несколько часов германские войска с высокой степенью вероятности атакуют наши границы, а у вас выбывает из строя командир одной из мотострелковых бригад! Это же ЧП! Вы это понимаете, товарищ генерал-лейтенант?!

– Так точно, понимаю! – глядя в стол, ответил Прошкин.

Сидящий по правую руку от командующего представитель ГКО, начальник Оперативного отдела Генерально-

го штаба генерал-лейтенант Жуков спросил, обращаясь к Прошкину:

– Так какого чёрта ты его с собой на войну поволок, коли он такой больной?!

– Так сроду не было у Волохина никакой язвы! – в сердцах воскликнул Прошкин и тут же поправился: – Во всяком случае, я об этом слышу впервые!

– Хватит! – пристукнул по столу Рокоссовский. – С этим разберёмся позже. А теперь отвечайте, товарищ генерал-лейтенант: есть у вас в армии подходящая кандидатура на должность комбрига, или этим заняться штабу фронта?

– Так сходу и не отвечу, товарищ генерал-полковник, – замылся Прошкин. – Разрешите доложить свои соображения через час?

– Час – это много! – поднимаясь с места, жёстко сказал Жуков. – Разрешите, товарищ генерал-полковник? – обратился он к Рокоссовскому.

– Говорите, Георгий Константинович, – кивнул тот.

– Некоторое время назад я по поручению ГКО и Генштаба проводило внезапную проверку 5-й Сибирской ударной армии. В 54-й мотострелковой бригаде присутствовал лично. В самом начале учений дал вводную: командир бригады условно убит...

– Вот и накаркал... – явственно произнёс кто-то за столом.

Рокоссовский строго постучал карандашом по столу, пре-

рывая раздавшиеся смешки.

– С шутником побеседую отдельно, – пообещал он, – остальных предупреждаю о недопустимости подобного рода замечаний! Продолжайте, Георгий Константинович!

– Так вот, по моему приказу до конца учений бригадой командовал командир 541-го мотострелкового полка полковник Галин. И командовал отлично! В сложившейся обстановке считаю его кандидатуру наиболее подходящей!

– А вы что на это скажете? – спросил Рокоссовский у Прошкина.

– Ну, раз такое дело... – Было видно, что пустые фразы помогают Прошкину что-то там себе сообразить. – Коли Генеральный штаб... – Видно, досоображал, потому что резко прекратил бубнить и чётко резюмировал: – Я поддерживаю кандидатуру полковника Галина!

Командир дивизии Ваффен-СС «Мёртвая голова» группенфюрер СС Георг Каплер присутствием в своём штабе Курта Хартмана был, мягко говоря, недоволен. Мало того, что «штабной» (думая так, Каплер имел в виду штаб ОКВ), так ещё и из ведомства Канариса! Такой «гость» перед началом наступления – примета хуже не придумаешь. Гнать бы его взащей! Но полковник по прибытии предъявил такие полномочия, что волей-неволей пришлось изображать лю-

безность.

Генерал кинул взгляд на часы. Ну вот, ещё с места не двинулись, а примета уже начала сбываться. Впереди, там, где граница, слышалась перестрелка. Значит, силы прорыва уже полчаса против намеченного срока не могут подавить сопротивление русских пограничников. Но, похоже, кончилось? Да, стрельба стихла, а над дымом дальних пожарищ распустился в небе цветок из трёх зелёных ракет.

Одновременно с командой «По машинам!» взревели моторы. Генерал легко вскочил на броню и ловко скользнул в башенный люк, впрочем, до конца погружаться в нутро танка не стал. Снизу протянули шлемофон, а танк дёрнулся и, лязгая гусеницами, покотил занимать место в колонне.

Каплер обернулся. Сзади пристраивался штабной автомобиль, своё место в котором он любезно уступил берлинскому гостю. «Пусть поглощает пыль!» – злорадно усмехнулся генерал.

Вскоре путь колонне преградила небольшая речушка, через которую были наведены аж три понтонных моста, так что скорость колонны практически не замедлилась. Танк Каплера без помех проскочил короткий мост и ступил гусеницами на «чужую» землю – польскую генерал уже привык считать «своей». Здесь отчётливо виднелись следы недавнего боя. Чуть в стороне чадило то, что осталось от пограничной заставы. Солдаты с хмурыми лицами (в похоронной команде другие вряд ли встретишь) таскали трупы и складывали в од-

ном месте. На взгляд, набралось изрядно.

«Интересно, большие ли потери у русских?» – думал Каплер, не подозревая о том, какой неожиданный ответ получил бы на этот вопрос. Ни одного трупа русского солдата на поле боя обнаружено не было. Что немцу непонятка, то русскому вдомёк. Потери с нашей стороны, конечно, были, и немалые. Но бой за заставу вели спецназовцы, а они своих не бросают, даже мёртвых...

Углубившись на союзную территорию на десять километров, заняли небольшую деревушку. Здесь Каплер приказал остановиться. Слез с брони, стал прохаживаться, с удовольствием разминая ноги. Его танк остановился напротив добротного деревянного здания, с которого солдаты теперь сколачивали прибитый за древко флаг. Местных жителей не было видно. «Попрытались по домам?» Впрочем, что-то мешало этой мысли утвердиться. Каплер быстро понял, что именно. Совсем не слышно собачьего лая. Так что, когда ему доложили: деревня жителями покинута, он тому ничуть не удивился. Сказал: «Тем лучше!» И приказал размещаться без церемоний. Так и сделали. Ворот не открывали, въезжали во дворы, ломая заборы.

**

– Здесь, господа, – начальник штаба дивизии ткнул в рас-

стеленную на столе карту концом короткой указки, – находится наша цель!

Каплер наклонился поближе.

– Что здесь? – спросил он.

– Крупная железнодорожная станция, – пояснил начштаба. – Наша задача занять её и удерживать до получения другого приказа.

Каплер прошёлся по карте курвиметром.

– До станции отсюда почти сорок километров, – сказал он. – А это означает, что находится она в зоне ответственности так называемого укрепрайона, который, если верить нашей разведке, – короткий взгляд в сторону Хартмана, – нашпигован различного рода оборонительными сооружениями.

Оберст шагнул к столу.

– Что нам точно известно, – начал он, забирая из рук начштаба указку, – так это то, что вот здесь... и вот здесь, у русских построены крепости, которые располагают, в том числе, и дальнобойной артиллерией.

– То есть, после того, как мы займём станцию, русские просто накроют нас огнём тяжёлых пушек, – сказал один из присутствующих на совещании офицеров.

– Думаю, этого можно не опасаться, – сказал Хартман.

– Почему вы так считаете? – спросил Каплер.

– Когда противник поймёт, что мы не собираемся развивать наступление вглубь его территории, а произойдёт это

довольно быстро, то вряд ли захочет уничтожить инфраструктуру, столь необходимую ему при контрнаступлении.

– Вполне возможно, – согласился Каплер. – Нас-то удар тяжёлой артиллерии накроет или нет – ещё вопрос, учитывая нашу мобильность, а вот крупному железнодорожному узлу точно придёт капут, и надолго.

Вошёл адъютант, доложил:

– Группенфюрер, прибыл мотоциклист, требует встречи с оберстом Хартманом!

– Мотоциклист? – нахмурился Каплер. – Откуда он был?

– Из русского тыла. Одет в штатское, но утверждает, что германский офицер.

Головы присутствующих синхронно повернулись к представителю абвера. Хартман поспешил разъяснить:

– Наверное, это мой агент. Позвольте мне выйти?

– У вас есть от нас тайны? – усмехнулся Каплер. – Мы бы тоже не отказались послушать новости из русского тыла.

Хартман почтительно кивнул и отступил на своё место, давая понять, что готов подчиниться воле старшего по званию.

Каплер удовлетворённо улыбнулся и приказал адъютанту доставить разведчика в комнату, где шло совещание.

Вошедший был небрит, и одет как типичный крестьянин, однако перед генералом ухитрился вытянуться в строевую стойку и даже прищёлкнул каблуками стоптанных сапог.

Каплеру такое тевтонское (как он считал) усердие пришлось по душе.

– Твоё имя, солдат? – спросил он.

Со стороны сцена должна была казаться совсем уж театральной, так оно, верно, и было, но ни у кого из присутствующих при этом пафосном действе не возникло на лице и тени улыбки.

– Гауптман Пауль Зиберт, группенфюрер! – ответил разведчик.

Генерал протянул руку, которую Зиберт почтительно пожал. Через пару секунд он пожимал уже руку оберста Хартмана. Остальные в очередь на поручканье выстраиваться не стали, поприветствовав кандидата в герои издали.

– Что привело вас сюда, Пауль? – спросил Хартман. – Говорите свободно.

– Исполняя вашу последнюю директиву, господин полковник, я начал активные поиски совершившего вынужденную посадку русского самолёта. – На этом месте Зиберт слегка замялся, и Хартману пришлось подстегнуть его вопросом:

– И как всё прошло. Вы преуспели в поисках?

– Не совсем, господин полковник. Когда я нашёл самолёт, возле него уже была группа гауптмана Лемке...

– Этого следовало ожидать, – кивнул Хартман. – Значит, нужные нам люди теперь у него?

– Боюсь, господин полковник, что это он с остатками своей группы сейчас в плену у русских. Я видел несколько на-

ших, окружённых русскими пограничниками, когда бой уже закончился. Помочь я им ничем не мог, потому поспешил сюда, чтобы сообщить вам эту печальную новость и предложить свои услуги.

– Ваши услуги? – надменно выгнул бровь группенфюрер Каплер, который уже жалел о случившемся рукопожатии, и оттого злился. – Если уж вы не смогли быть полезным своим товарищам, чем вы можете быть полезны нам?

– Я могу показать тайную дорогу в тыл русских, – ответил Зиберт.

– Дорогу? – удивился Каплер. – Вы, видимо, хотели сказать «тропу»?

– Нет, группенфюрер, именно дорогу, по которой могут пройти танки и проехать автомобили.

Это действительно было интересно!

– Покажите на карте! – приказал Каплер.

Зиберт показал.

– Но ведь здесь... – Каплер внимательно посмотрел на Зиберта. – Вы хотите сказать, что дорога идёт по дну оврага, который изображён на карте, как непроходимый?

– Точно так! – подтвердил Зиберт. – Этот овраг очень глубокий, и зарос по краям густым кустарником, но по его дну действительно проложена вполне сносная дорога.

– Но тогда почему этой дороги нет на карте?! – воскликнул Каплер.

– Потому что дорогой с давних времён пользуются кон-

трабандисты, по ней можно подобраться почти до самой границы. Овраг идёт и на сопредельную территорию, но там он становится и в самом деле непроходимым...

– Достаточно! – прервал Зиберта Каплер. – Это уже неважно. Покажите лучше начало дороги, и где из оврага можно вывести технику.

– Вот тут, – показал Зиберт, – это начало дороги, а вот тут и тут есть съезды.

Каплер переглянулся с начальником штаба.

– Если эта дорога действительно не находится под контролем русских, то по ней мы можем скрытно подобраться почти к самой Узловой! – воскликнул Каплер. – Немедленно отправьте взвод мотоциклистов, пусть разведают, насколько дорога годна для прохождения техники, и подходят ли для наших целей съезды, о которых говорит капитан. Вы, Зиберт, поезжайте с ними, будете проводником. Понимаю, что вы устали, но с отдыхом придётся повременить!

**

– Пауль, задержитесь на минутку!

Хартман догнал Зиберта:

– Как вы думаете, Пауль, имеет ли смысл просить группенфюрера направить к самолёту группу захвата?

Зиберт отрицательно покачал головой:

– Боюсь, господин полковник, что толку от этого не бу-

дет. Очевидно, русские пограничники также искали самолёт, и теперь быстро эвакуируют всех пассажиров, если уже не сделали этого.

– Да, – кивнул Хартман, – как ни печально признавать, но вы правы. Остаётся уповать на то, что майор Клосс сумеет воспользоваться резервным вариантом...

– Отдохнули, капитан?

В словах коменданта «Заячьего острова» не прозвучало издёвки, хотя он прекрасно был осведомлён о том, что группа спецназа, чей командир стоял сейчас перед его столом, после тяжёлого боя на границе ещё несколько часов уходила от преследования, унося на руках раненых и убитых товарищей, на вверенную ему военную базу прибыла лишь четыре часа назад. Так что вопрос об отдыхе был чисто риторическим, но поскольку задан старшим по званию, ответить Маргелову на него полагалось:

– Спасибо, товарищ подполковник, отдохнул!

«Да, хорошо их готовят там, в спецназе. Считаю, только что выбрался из сложнейшей передряги, но свеж, гладко выбрит, одет опрятно – орёл, одним словом, мать его ети!» Подумав всё это, подполковник Шарабарин доверительным тоном сообщил:

– Поверь, капитан, не стал бы я тебя дёргать, кабы не нуж-

да. Возникла необходимость провести патрулирование дальних подступов к базе, а людей не хватает. Кто на посту, кто отдыхает между сменами, кто на задании. Так что на тебя и твоих бойцов вся надежда. Готовы выступить?

– Так точно!

– Тогда смотри.

Подполковник и капитан склонились над картой... Через пару минут оба распрямились, и Шарабарин спросил:

– По заданию вопросы есть?

– Никак нет, с заданием всё ясно, но есть одна просьба.

– Говори, капитан, всё, чем могу...

– Прикажите выдать нам беспроводной телефон. Я знаю, у вас есть.

Шарабарин сморщился так, словно у него внезапно запыл зуб.

– Есть то есть, только, как говорится, не про нашу честь. Аккумуляторы, считай, все попередохли, и зарядное устройство чего-то барахлит – не подзаряжает ни черта! Был один действующий комплект, так я его старшему лейтенанту Гончару передал, когда его группа ушла для выполнения особо важного задания командования. Так что придётся тебе, капитан, довольствоваться обычной рацией. Зато толковым проводником из местных я тебя обеспечу!

**

– У вас там что, лесная дорога проходит?

Проводник посмотрел в направлении, куда указал Маргелов, потом отрицательно помотал головой.

– Нема там никакой дороги, да и с чего вы взяли?

– Слышал звук мотоциклетного мотора.

– Ни, – улыбнулся проводник, – це вам показалось, товарищ командир!

Когда кажется – кто-то крестится, а спецназ проверяет. Маргелов повёл группу на север...

Через полчаса уперлись в овраг. Деревья и кустарник, росшие по краю, не давали возможности рассмотреть, что там внизу. Тогда Маргелов спросил об овраге у проводника. Парень явно был чем-то обеспокоен, ответил неохотно:

– Говорят, дуже глубокий...

– Говорят? – переспросил Маргелов. – А ты сам, что, ни разу в него не спускался, ты же местный?

– Местный, – кивнул парень, – потому и не спускался...

– И чего в нём такого есть, что такой дюжий молодец, как ты, боится в него заглянуть? – насмешливо поинтересовался один из бойцов.

Парень нахмурился и ответил безо всякой охоты:

– Кажуть, черти там водятся, и кто в него спустится, того они унесут.

Спецназовцы дружно рассмеялись.

– И что, все местные в эту сказку верят? – спросил тот же боец.

– Верят, не верят, но «Чёртов овраг» обходят стороной.

– Извини, брат, но нам это не подходит! Двое рубят просеку, остальные готовятся к спуску! – распорядился Маргелов.

Подготовка к спуску в овраг подходила к концу, когда стоявший на страже спецназовец подал знак. Работы вмиг прекратились, все замерли, включая проводника, которого просто парализовал вид возникшего перед носом внушительно-го кулака.

Треск мотоциклетных моторов становился всё громче, и шёл он именно из оврага. Достигнув апогея прямо под ними, треск стал удаляться. Работы продолжились столь же споро, но уже без шуточек. Вскоре на дно оврага полетели верёвки, и двое десантников скользнули по ним вниз.

Время шло, а бойцы не возвращались. Маргелов начал беспокоиться, но тут верёвки натянулись, и вскоре оба спецназовца выбрались на поверхность.

– Ох, и непростой это овраг, товарищ капитан, – доложил старший группы. – Широченный и, правда, очень глубокий.

– И ещё, у него двойное дно! – добавил его напарник.

– Как это? – не понял Маргелов.

– Ну, не то чтобы двойное... – поправил товарища старший группы. – Короче, спустились мы вниз. Там кругом кусты растут и даже деревья. Думали всё, вот оно дно. Но где тогда следы от мотоциклов? Стали пробираться к середине и тут я чуть не загремел вниз, ладно Кабан меня за одеж-

ду придержал. Оказалось, что спустились мы не на дно, а на выступ, правда, довольно широкий. Такой же выступ идёт с другой стороны оврага (это мы потом узнали). Оба выступа заросли кустами и деревьями так густо, что, если отсюда посмотреть, можно подумать: это и есть дно оврага. А настоящее дно ниже метра на четыре. И вот там хоть и прохладно, но довольно сухо...

– Странно, – заметил Маргелов.

– Так и я о том же, – подхватил старший группы. – Но главное не в этом. Главное в том, что по самому дну оврага проходит дорога, довольно широкая и наезженная. И на ней свежие следы от колёс немецких мотоциклов!

– Ладно, – сказал Маргелов. – Кто и зачем ту дорогу проложил, и от посторонних глаз её бережёт, – капитан бросил взгляд на проводника, который слушал, открыв рот, – мы разбираться не будем, оставим эту доуку компетентным органам. Для нас важно другое: дорога существует, и по ней совсем недавно в наш тыл проехали вражеские мотоциклисты.

– Тут Маргелов замер, будто до него дошло что-то очень важное.

– Зубр, ответь, – обратился он к старшему группы, – а более крупная техника по дороге проехать сможет?

Тот, кого он назвал Зубром, чуток подумал и утвердительно кивнул:

– Сможет. Даже танки смогут!

– Шершень, выходи на связь с базой! – приказал Марге-

лов. – Остальным отдыхать.

– Чудные у вас фамилии, – сказал проводник, присев рядом с Кабаном. – Кабан, Зубр, Шершень...

– Это не фамилии, чудак, – усмехнулся Кабан, – это боевые псевдонимы!

– Это чё такое? – удивился проводник.

– Ну, прозвища такие.

– А... – протянул проводник. – А зачем?

– А затем, что фамилии наши никому постороннему знать не положено! – назидательно произнёс Кабан.

Проводник справедливо принял сказанное на свой счёт, насутился и отвернулся.

Сидеть в штабе Жуков не захотел, и с согласия Рокоссовского взялся опекать левый фланг Западного фронта.

Свой штаб по совету Жукова командарм 5-й армии разместил в городе Волковыске. На 17—00 войска армии, занимающие оборону по правому берегу рек Россь и Неман в соприкосновение с противником ещё не вступали.

Жуков стоял у стола с расстеленной на нём огромной картой театра военных действий и читал только что доставленные сводки. Читал и перебрасывал листочки командующему 5-й Сибирской армией генерал-лейтенанту Прошкину. Тот не упустил случая польстить начальству.

– Всё идёт пока, как вы, Георгий Константинович, предсказывали. Германские войска яростно атакуют правый фланг фронта. В центре и на нашем фланге продвигаются вперёд с опаской.

– А у соседей так вообще стоят на месте, – усмехнулся Жуков, – даже границу не перешли, ограничились артобстрелом наших передовых частей.

Под «соседями» начальник Оперативного отдела Генштаба понимал войска Юго-Западного фронта, который спешно формировался из войск Белорусского и Киевского союзных военных округов.

– Вот я и говорю: всё, как вы и предсказывали, – поддакнул Прошкин.

– А чего это ты меня, товарищ генерал-лейтенант, в гадалки-то записал? – жёстко прищурился Жуков.

– Дык, это... – замялся Прошкин.

– Ты же, Игорь Валентинович, боевой офицер, так чего же при всяком удобном случае начальство ниже поясницы в галифе поцеловать норовишь? – с укором спросил Жуков. Лицо Прошкина налилось багрянцем.

Жуков вздохнул и сказал, вроде как даже сочувственно:

– Всё я понимаю, Игорь Валентинович. Должность командарма в тыловой армии располагает больше к общению с разного рода чиновничьим сбродом, вот ты у них манеру и перенял. Как друг советую: завязывай ты с этим. Ладно, не дуйся, на правду обижаться не положено. А рено-

ме я твоё перед подчинёнными никак не уронил, поскольку нет здесь, кроме нас двоих, никого. И давай-ка перейдём к делу. На театре военных действий пока всё действительно складывается так, как – аналитическим путём, а не гаданием на кофейной гуще – вычислили в Генеральном штабе, назвав подобное развитие событий наиболее вероятным. Целью германского вторжения является не захват нашей территории, а возврат своей. Другое дело, если отвоюют сейчас немцы Пруссию, то глядишь, через какое-то время и на нас попрут, но не теперь! И как же они собираются её, Пруссию, отвоёвать? Ты вот подметил, что германские войска яростно атакуют правый фланг фронта, то есть так называемый Прусский вал. Я до недавнего времени командовал Западной группой войск, и могу ответственно заявить: в лоб им Прусский вал не взять! Так они и не берут. Обстреливают? Да! Бомбят? Тоже да! Но лезть на укрепления не торопятся. Ждут, когда артиллерия и авиация понаделают там брешей? Если так, то напрасно! На это уйдёт, по самым скромным подсчётам, неделя, а то и две. Никто им столько времени не даст. Судя по сводкам, ПВО Пруссии со своей задачей справляется. Люфтваффе несёт большие потери. А через три-четыре дня сюда будут стянуты дополнительные авиасоединения, и тогда превосходство в воздухе перейдёт на нашу сторону. Тогда последуют массированные авиаудары уже с нашей стороны, по войскам, осаждающим Прусский вал. Не могут генералы вермахта этого не понимать. Вся их на-

дежда в этой войне на пресловутый блицкриг. Неделя, максимум, две, у них на всё про всё – не больше! А я тебе скажу: гораздо меньше! Ну, про то они могут и не знать. Так что думают сделать немецкие генералы, если взять Прусский вал лобовой атакой им не по силам? А хрен их знает! Вариантов несколько. И думаю, что о некоторых мы узнаем в самые ближайшие часы. Сдаётся мне, что наиболее перспективным для немцев является удар в самом уязвимом месте нашей обороны, притом наиболее близком к Прусскому валу. И таким местом является участок от стыка Западного и Северо-Западного фронтов до восточного окончания Прусского вала. На этом участке мы не успели возвести сплошную линию оборонительных сооружений, а многие из тех, строительство которых начато, до конца не достроены. В первую очередь это касается крепости Волковыск и оборонительных сооружений, прикрывающих железнодорожный узел Мосты. Чуть лучше обстоят дела на участке к северу от Гродно. Там половина фортификационных сооружений уже закончена, а другая половина в стадии завершения работ. К тому же участок от Гродно до крайнего форта Прусского вала, который расположен к западу от города Друскеники, чуть более 50 километров – узковато для прорыва, есть опасность флангового контрудара. Всё могло быть много хуже, не успей мы построить крепость возле Гродно. Я там был. Отличная крепость, мощная, оснащённая самым современным вооружением – немцам точно не по зубам! Теперь скажи, Игорь Ва-

лентинович, где бы на месте немцев нанёс основной удар?

– А на Мосты бы и нанёс! – уверенно ответил Прошкин. – Заняв Мосты, убил бы двух зайцев разом: перерезал железнодорожную ветку одновременно на Гродно и Волковыск и обошёл бы Гродненскую крепость с востока. Поворачивай потом на северо-запад и дуй в свою Пруссию!

– Верно, – усмехнулся Жуков. – И что ты, в таком разе, как командующий войсками, обороняющими, в том числе и Мосты, должен предпринять?

– Так уже предпринял, товарищ генерал-лейтенант, – ответил Прошкин. – в Районе Мостов сосредоточена 51-я мотострелковая бригада. Там же через несколько часов займёт позиции разгружающаяся сейчас в Мостах 52-я мотострелковая бригада. Дополнительно этой группе приданы два из четырёх находящихся в моём резерве бронепоездов, и вся тяжёлая артиллерия, включая системы залпового огня.

– Неплохо, – одобрил Жуков, – О воздушном прикрытии войск беспокоился?

– Так точно! По этому вопросу есть договорённость с командующим ВВС фронта.

– Добро! Показывай, где расположил остальные войска?

– 54-я мотострелковая бригада сосредоточена на левом фланге, в районе станции Узловая. 53-я мотострелковая бригада – соответственно на правом фланге стыкуется с войсками Гродненского оборонительного района. 55-я бригада после прибытия и разгрузки поступит в резерв, как и обе тан-

ковые бригады.

– Толково, – одобрил Жуков. – Но помни, генерал: немцы за Неман и Россь пройти не должны!

– Не пройдут, товарищ генерал-лейтенант! – заверил Прошкин.

– И последний на этот час вопрос, – сказал Жуков. – Куда подевались «мёртвоголовые»? Остальные части вот они, – Жуков показал на карту. – Выходят на исходные. А эти где?

– Загадка, товарищ генерал лейтенант, – поддержал Жукова Прошкин. – Последний раз наши самолёты-разведчики засекли колонну дивизии СС «Мёртвая голова» после перехода ими границы. С этого момента о них ни слуху ни духу. Может, затихарились где?

– Может и затихарились, – согласился Жуков, – только, скажи, зачем? Что у этого Каплера на уме?

На радиограмму Маргелова «Заячий остров» отстучал ответ: «Оставьте пост для наблюдения за дорогой, сами продолжайте патрулирование». Вторую радиограмму Шарабарин отправил в 54-ю бригаду. В ней он предупредил в возможном появлении в тылу немецких мотоциклистов. В предполагаемый квадрат сразу отправились три БМП. Стычка с мотоциклистами произошла возле брошенного самолёта, и закончилась, как нетрудно догадаться, не в пользу немцев.

На своё несчастье, в эту группу затесался и гауптман Зиберт. Прошитый пулемётной очередью, он лежал в траве и медленно истекал кровью. На подошедшего русского солдата попытался навести пистолет, но рука не послушалась. Русский подобрал выпавший пистолет и ушёл. Зиберт, хлюпая кровью, смотрел, как исчезает из поля зрения фигура солдата, и думал о том, что лучше бы он попросил русского его добить, или, чуть раньше застрелился сам. Агония длилась долго и мучительно, но права выбора у агента абвера Пауля Зиберта больше не было.

**

Маргелов, после того, как получил радиограмму от Шарбарина, из-за пресловутого «права выбора» буквально разрывался на части: оставить рацию на посту у кромки оврага или забрать с собой? Перевесил тот факт, что до ближайшего поста военной базы от этого места чуть больше двух километров, а туда от «Заячьего острова» был проложен телефонный кабель. Приказав двум оставшимся бойцам в случае чего бежать на пост, Маргелов с остатком отряда и рацией продолжил патрулирование.

Первая перепалка между дозорными произошла, когда по дороге в обратную сторону проехали несколько мотоциклистов. Это были разведчики, которые спешили доложить

о том, что найден подъём; по нему колонне вполне можно выехать из оврага. А дозорные у оврага полаялись из-за того, что один считал: надо бежать на пост, а другой твердил: случай не тот, о котором говорил капитан. Как всегда, победило мнение того, у кого больше лычек на погонах, пусть эта лычка и была одна. Зато когда на дороге показалась голова вражеской колонны, споров больше не было: оба дозорных что есть мочи припустили на пост.

**

Сообщение от Шарабарина вызвало в штабе 5-й армии лёгкий переполох. Жуков сразу подошёл к карте.

– Показывайте! Начальник штаба показал.

– И где тут дорога?! – резко поинтересовался Жуков. Выслушав объяснения начштаба, возмутился уже по другому поводу:

– А чего же они раньше-то молчали?!

– Так они дорогу обнаружили буквально сегодня.

– Ладно! – хлопнул ладонью по карте Жуков. – Они уверены, что в колонне эсэсовцы?

– Колонну видели дозорные из отряда капитана Маргелова.

– Спецназовцы? – уточнил Жуков. – Тогда их словам можно верить. Вот и объявились «мёртвоголовые»! – и объяснил присутствующим: – Других эсэсовских частей в этом районе

нет. Галину сообщили?

– Как раз связываемся, – ответил начштаба. – Потом дашь трубку мне! – приказал Жуков.

Закончив говорить, начштаба передал трубку Жукову.

– Жуков у аппарата! Здравствуй, Павел Михайлович!

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! – раздалось на том конце провода.

– Обстановку уяснил?

– Так точно!

– Докладывай, что собираешься предпринять?

– Уже отправил несколько групп разведчиков для обнаружения противника.

– Приказ «в бой не вступать» отдал?

– Так точно!

– Верно поступил. Если немцы не узнают, что обнаружены, в атаку попрут без особой осторожности – тебе лишний шанс. Чего молчишь?

– А о чём говорить, товарищ генерал-лейтенант?

– Ну, да – усмехнулся Жуков. – Ты же у нас молчун, больше привык руками действовать. Наслышан, как ты чуть маршала по-свойски не приложил. Ладно, не злись! Я хоть этого и не вижу, но чувствую. И вот что я тебе скажу, Павел Михайлович! Ты в эту станцию хоть зубами вгрызись, но немца через себя не пропусти! Понял?!

– Так точно!

– Вот и молодец. А мы тебе, чем сможем – поможем.

– Может, нам в Узловую 56-ю танковую бригаду пропустить, транзитом, пока не разгрузилась? – предложил начальник штаба.

– Отставить! – покачал головой Жуков. – Рано резервы разбазаривать! Ещё неизвестно, в каком месте они завтра нужнее будут.

«Мёртвоголовые» атаквали Узловую с рассветом. Без артподготовки, надеясь застать русских врасплох. С этим им, прямо скажем, не повезло. Как только первые цепи появились на опушке леса, защитников Узловой подняли по тревоге. Солдаты и офицеры в спешке покидали блиндажи и заполняли окопы. Командир 541-го мотострелкового полка со своего НП наблюдал за действиями противника.

– Нет, ну ты посмотри на них! – прикинув к окулярам стереотрубы, ворчал майор Попов. – Прут в полный рост, будто и нет нас тут. Морды наглые, рукава закатаны – Нибелунги, мля!

За первой цепью из леса показалась вторая, за ней третья. Везде один порядок: пехота при поддержке бронетранспортёров. А вот и танки.

– Жидковато, – разочарованно вздохнул начальник штаба полка.

– А ты думал, они сразу всей дивизией попрут? – хохот-

нул Попов. – Передайте в батальоны: пусть приготовятся... Огонь!

Группенфюрер Каплер на своём НП вспомнил разом все немецкие ругательства. Плотный огонь русских прижал его пехотинцев к земле, заставил залечь. Хуже пришлось бронетранспортёрам: они не могли зарыться в землю. Несколько машин горели, остальные, огрызаясь пулемётным огнём, стали откатывать к лесу. Танки на опушке вступили в перестрелку с русскими БМП. Немецкие танкисты всерьёз рассчитывали на безнаказанность, ведь слабенькие пушки русских БМП на таком расстоянии против их брони бессильны, в то время как снаряды их пушек легко пробивали слабую броню боевых машин русской пехоты. Но у русских и на эту резьбу нашёлся в запасе свой болт. Вот загорелся первый танк... второй...

На НП дивизии забеспокоились. А когда следующему танку прямым попаданием снесло башню, стало ясно: у русских помимо БМП есть ещё и тяжёлые танки или самоходки.

– Сигнал к отступлению! – приказал Каплер.

**

– Итак, господа, – начал Каплер, когда в штабной палатке собрались все приглашённые офицеры, – анализ нашей первой неудачной атаки показал: в обороне Узловой мы столк-

нулись совсем не с тем, на что рассчитывали. Вполне очевидно, что станцию обороняет не обычная воинская часть, а элитное подразделение из числа так называемых Ударных частей союзного значения. Может, господин полковник, – Каплер демонстративно обратил внимание присутствующих на Хартмана, – объяснит нам, как такая часть, вопреки всем заверениям разведки, смогла так быстро оказаться на передовой? Ответа нет? Я так и думал! Однако, господа, провал разведки вовсе не отменяет задачу, поставленную перед дивизией Верховным командованием. Узловая должны быть взята не позднее 00—00 часов завтрашнего дня! Прошу всех подойти к карте...

**

Похожая карта лежала и перед командиром 54-й мотострелковой бригады полковником Галиным. Ему уже было известно, чью атаку отбили бойцы 541-го полка сегодня утром. Отбили, надо сказать, легко, не пришлось даже задействовать резервы. Это хорошо. И то хорошо, что противник не знает всех его возможностей, и то, что медсанбат не забит под завязку. Без убитых, правда, не обошлось, но иное было бы просто невероятным везением. Кстати, о резерве. Его с утра прибыло. Бронепоезд, по огневой мощи – передвижная батарея, прикатил два часа назад со стороны Волковыска. Командир уже побывал в штабе, доложил о прибы-

тии. Впрямую не признался, но намекнул, что бронепоездов в Волковыск прибыло больше. Остальные Прошкин с Жуковым, возможно, в резерве держат, но, вероятнее всего, отправили к Мостам. Лично он именно так бы и поступил.туда нанесёт немец основной удар, туда! А тут у нас, выходит, курорт?

О курорте Галин теперь знал не понаслышке. Отдыхал прошлым летом с женой в Сочи, в санатории ГКО. Поправилось несказанно. Разве что пляжи подвели. Нет, море оно, конечно, море, а вот берег – сплошная галька; ежели с собой лежак не притащишь, так и не полежишь. Другое дело на Иртыше!

Галин отогнал посторонние мысли. Не будет здесь им отдыха, а уж тем более курорта! А что будет? А вот над этим теперь и покумекаем! Что есть у Каплера против нас? Мотоострелковая дивизия против мотострелковой же бригады. Почти двукратное превосходство в живой силе. Это да, с этим не поспоришь. А как обстоят дела с техникой? БТР точно больше и, может, даже в те же два раза. Но атакующий БТР против затихарившейся БМП, извините за каламбур, не катит, что мы наглядно продемонстрировали этим утром. Остаются танки. Сколько их у Каплера? Утром они нам показали роту, но думается, что не менее полка. Против моих двух батальонов опять двукратное превосходство. Да, тан-

ковый полк ротой самоходок не остановишь. Но так у нас есть ещё и противотанковые орудия, и РПГ, наконец. Должны сдать! Тем более что по артиллерии мы с ними, после подхода бронепоезда, считай, сравнялись. Ну, что, группенфюрер Каплер, сложная перед тобой стоит задача, а? И как же ты её решать намерен? А вот сейчас поглядим!

Галин перешёл на другую сторону стола, и оказался теперь как бы против своих позиций. Каким он видится оттуда, из лесного массива, маленький населённый пункт, у которого и своего названия-то нет, числится во всех документах как «Рабочий посёлок, станция „Узловая“». С юга лес подходит к посёлку ближе всего. Там, в районе лесозавода и была отбита этим утром первая атака. К северу деревья постепенно отступают, оставляя на западной окраине, в районе маслобоен, раздолье для трав – выгон для скота. Дальше, огибая северную окраину посёлка, протекает река. Да какая там река! При нынешнем уровне воды – ручеёк. Но у этого ручейка очень топкие берега. – Вроде даже стихи получились. – И с юга, от лесозавода, и с запада, от маслобоен, равнина переходит в возвышенность. Вот на этой возвышенности и расположен посёлок, а на самом верху – станция Узловая. И вот смотрит сейчас гер Каплер на это великолепие, и думает: как бы мне всё разом (посёлок, станцию и великолепие) essen, то бишь скушать, и при этом не подавиться? С севера атаковать – не вариант: вдоль реки топко, а обходить, так фронт растянешь, никакой дивизии не хватит.

То же, кстати, касается и южного направления. Нет у Каплера резервов на фланговые охваты, нет, и точка! Остаётся в лоб: с запада по равнине и с юго-запада от леса. Направление на лесозавод вроде бы перспективнее, но там у русских, то есть у нас, есть, где закрепиться. Заводские цеха – естественные фортификационные сооружения. Зато с запада у русских, то есть опять же у нас, в плане фортификации полный голяк. От маслобоен, не в пример лесозаводу, для обороны толку в разы меньше. Какие окопы успели понарыть – тем и будут довольствоваться. Да и фронт атаки с запада гораздо шире. Вот только по открытой местности топтать и ползти (гусеницами, я имею в виду) придётся гораздо дольше. А как ещё перед русскими окопами и минное поле окажется? Горячо, гер Каплер, ох, как горячо! А будет ещё горячее, когда твои танки и БТР на это поле заедут! Так что я на твоём месте, группенфюрер, собрал бы всю имеющуюся артиллерию, да врезал по позициям противника, чтобы разбить, оглушить, разломать, а там и в атаку можно идти. Вот только артиллерии у тебя, по нашим прикидкам, для серьёзной артподготовки нет, или я ошибаюсь? Скоро узнаем!

Свой КП Галин расположил в подвале дома Дымбовского, бывшего владельца маслобоен, который в памятном для здешних мест 20-м сильно ратовал в поддержку поляков, через что был сначала арестован, а после подписания мирного соглашения выслан на историческую родину. Имущество

мятежного пана конфисковали. Маслобойни перешли под управление сельхозкооператива, а добротный двухэтажный дом красного кирпича передали в ведение Наркомобраза Белоруссии. Сейчас в доме детишек, понятно, нет, как и жителей в посёлке – все срочно эвакуированы. А если кто и остался – носу на улицу не казали.

Верхние этажи Галин приказал не трогать – детишкам здесь ещё учиться, если пронесёт и здание не будет разрушено, а вот подвал с толстыми стенами и мощными перекрытиями как нельзя лучше подошёл под временный штаб бригады.

Как и рассчитывал Галин, артиллерийскую дуэль как минимум на одном участке фронта немцы русским проиграли. Одной дивизионной артиллерии оказалось явно недостаточно, чтобы и передовые позиции противника расчехловить, и его собственную артиллерию подавить. Вышло всё с точностью до наоборот. Как только артиллерия «мёртвоголовых» начала утюжить переднюю линию обороны защитников Узловой, и на гаубичную батарею, которая расположилась на территории недостроенного форта у северной горловины железнодорожной станции, и на приданный бригаде бронепоезд, что курсировал у её (станции) восточной горловины, стали поступать данные о расположении вражеских батарей, по которым был незамедлительно открыт огонь. Огрызнуться не получилось, и вскоре немецкие орудия замолчали.

В бессильной злобе Каплер опустил бинокль. Русский корректировщик огня полностью переиграл своих германских коллег, и всё из-за того, что занимал очень выгодную позицию. Каплер не сомневался, что вражеский НП находится на колокольне, горделиво возвышающейся прямо посреди посёлка православной церкви. Стрелять по ней (колокольне) средствами только дивизионной артиллерии – пустая трата снарядов: тут нужны осадные орудия, а их-то и нет. Придётся атаковать без должной артподготовки. Каплер отдал приказ.

**

Больше всего в жизни полковник Галин ненавидел духоту. Потому, прикинув, что Каплер вряд ли станет тратить снаряды на бесполезную стрельбу по толстым церковным стенам, сказал начальнику штаба бригады: «Ты в штабе главный? Вот и командуй! А я полезу на колокольню, буду ваши действия оттуда поправлять, если что не так пойдёт. Я туда на этот случай велел ещё одну линию связи провести». И ушёл. Так что вся артиллерийская дуэль была перед ним как на ладони. Теперь он следил в бинокль за тем, как немецкие сапёры ставят дымовую завесу. Это не страшно, ветер, как он заметил, меняет здесь направление каждые полчаса. Так что дым немцам шибко не подсобит. Другое дело, на каком направлении немцы организуют отвлекающую ата-

ку, а на каком ударят всерьёз...

**

Каплер, если бы умел это делать, впал бы в отчаяние. И было от чего. Вторая волна немецкого наступления, как и первая, разбилась о русский волнолом и откатилась назад. Теперь оставшихся сил хватит ровно на одну полноценную атаку. Со стороны лесозавода не пробиться. Его полуразрушенные цеха стали непреодолимой преградой, плюс ещё этот чёртов бронепоезд! Но, как говорится: «Jeder Nachteil hat auch seinen Vorteil» (Нет худа без добра). Нашлось в русской обороне слабое место. Жаль, что выяснилось это, когда атака уже фактически захлебнулась. Вон там, в низинке, между маслобойнями и лесозаводом, трём танкам удалось ворваться на передний край обороны русских. Правда, там они и остались: три кучи чадящего железа. Но зато и минного поля, которое русские успели поставить, позади них уже нет. Ну, или почти нет. Перед атакой туда всё же следует направить сапёров. Вот только как это сделать при свете дня, если дело до утра не терпит, и как вообще атаковать без предварительного удара по позициям противника? Каплер решительно взял в руки телефонную трубку:

– Соедините меня со штабом генерал-фельдмаршала фон Бока!

Командующий группой армий «Неман», генерал-фельдмаршал Фёдор фон Бок, сдвинув брови к переносице, смотрел на штабную карту. Стрелка германского наступления почти упёрлась в населённый пункт с надписью «Мосты». Ещё одно усилие – и брешь в обороне 5-й армии русских будет пробита, а значит и задача, поставленная перед его армиями Верховным командованием, решена.

Резкий голос начальника штаба вывел фельдмаршала из задумчивости:

– Ещё раз говорю вам, Каплер: справляйтесь своими силами!

– На проводе командир дивизии «Мёртвая голова»? – поинтересовался командующий.

– Так точно! – прикрыв трубку рукой, – доложил начальник штаба.

– Курт, попросите его подождать у трубки, а сами подойдите сюда.

Когда начальник штаба подошёл к столу, фон Бок спросил:

– Чего он хочет?

– Просит нанести авиаудар по позициям русских в районе станции Узловая, господин генерал-фельдмаршал! Утверждает, что после этого сможет взять станцию.

– Узловая... – Поглаживая подбородок, фон Бок смотрел на карту. – Правый фланг нашего наступления, в стороне от направления основного удара...

– Именно поэтому я второй раз отказываю Каплеру в просьбе, – пояснил начальник штаба. – Он ещё утром просил поддержать его авиацией.

– Если наши расчёты верны, – как бы не обращая внимания на слова начальника штаба, продолжил фон Бок, – то у 5-й армии русских нет больше резервов и, после того, как мы пробьём брешь в их обороне, Рокоссовскому ничего не останется делать, как затыкать дыру фронтовыми резервами, а то и снимать части с других участков фронта, так?

– Точно так! – подтвердил начальник штаба.

Фон Бок оторвал глаза от карты и посмотрел на генерала:

– А что, если не так? Что, если у Прошкина есть ещё резервы, или они на подходе? Вот что Курт: дайте Каплеру, чего он просит!

– Но, господин фельдмаршал...

– Когда Каплер возьмёт Узловую, то если даже у Прошкина и есть резервы, он их бросит против дивизии Каплера, вынужден будет бросить. Так что помогите Каплеру, Курт!

Прошкин и Жуков колдовали над картой, когда вошёл начальник разведотдела армии.

– Что у тебя? – спросил Прошкин.

– Товарищ командующий! Срочное донесение от нашей разведгруппы. Немцы готовятся нанести сегодня авиаудар

по Узловой!

– Авиаудар? – Жуков посмотрел на Прошкина. – Пока Галин держится молодцом, но авиаудара может и не выдержать. Давай так, Игорь Валентинович, я звоню в штаб Юго-Западного фронта, попрошу у них истребители для прикрытия Узловой, а ты останови отправку этого новенького бронепоезда в Мосты, и перенаправь-ка его в Узловую. Для нас, сам понимаешь, это капля в море, а Галину, глядишь, сгодится!

**

Галин доел борщ и принялся за второе. Сидящий напротив начштаба смотрел-смотрел, как мелькает ложка в умелых командирских руках, да не выдержал, решил подколоть:

– Эк тебя на свежем воздухе на чифан-то пробило!

Галин чуть не подавился, с трудом пропихнул кусок в горло, сказал с шутливым укором:

– Ты чего, Семёныч? Завидуешь молча.

Они были знакомы ещё по совместной службе на Дальнем Востоке, где и прицепилось к ним это словечко «чифан», «чифанить», производное от китайского чи фан – еда.

Закончив с трапезой, Галин засобирался на выход.

Начштаба осторожно осведомился:

– Может, бомбёжку всё же здесь пересидишь?

– С какой такой стати? – удивился Галин. – Или ты думаешь, они бомбы на церковь будут тратить? Боюсь, что тебе тут будет жарче, чем мне там. К тому же руководить обороной с верхотуры намного сподручней.

– Ну, как знаешь, – не стал настаивать начштаба. – Только скажи, куда новый бронепоезд определить?

Галин остановился на полушаге. Фу-ты, ну-ты! А ему весь обед мозг выносило, что он что-то упустил. Конечно, вместе с предупреждением о возможном авианалёте из штаба армии сообщили также об отправке к ним ещё одного бронепоезда.

– Спасибо, Семёныч, что напомнил. Я не очень понял, но, кажется, этот бронепоезд оснащён какими-то усовершенствованными зенитными установками. Так ты передай командиру, пусть выберет рельсы по своему усмотрению, откуда сподручнее по самолётам бить.

**

У входа на колокольню топталась группа военных. Опытным взглядом комбриг определил центральную фигуру: статный мужчина в форме полковника инженерных войск. Остальные – его окружение, либо даже охрана. Когда Галин приблизился, все офицеры, включая полковника, вскинули руки к фуражкам. Галин козырнул в ответ. Бегло пробежав взглядом по офицерам и отметив среди них парочку из своей бригады, остановил взгляд на полковнике. Тот шагнул на-

встречу и протянул руку:

– Ульянов Владимир Ильич, полковник инженерных войск!

Галин слегка опешил. Такая реакция, видимо, была не в диковинку, поскольку полковник сразу пояснил:

– Даже не родственник, хотя и полный тёзка.

Галин кивнул, мол, с этим вопросом разобрались. Теперь взгляд комбрига требовал: объясни-ка, дорогой товарищ, откуда ты на мою голову свалился, и по какой-такой надобности?

– Вот, доставил вам бронепоезд с установленными на нём новейшими зенитными установками, для испытания в боевых условиях.

Значит, бронепоезд уже здесь? Замечательно!

– Давно прибыли? – поинтересовался Галин.

– Буквально только что, – ответил полковник.

– Вы, товарищ полковник, как я понимаю не строевик? И к подобному вопросу Ульянов, по-видимому, тоже был готов.

– Опять что-то не так сказал? – Смущённо улыбнулся. – И вы совершенно правы, Павел Михайлович, если не ошибаюсь? Я конструктор, и на этих испытаниях представляю Институт ракетостроения.

– Ну, хорошо, – заторопился Галин. – После договорим. Вы сейчас на бронепоезд, или хотите, чтобы вас проводили в штаб?

– Да нет, Павел Михайлович, – улыбнулся Ульянов, – хочу вот на эту колокольню забраться.

– Товарищ комбриг, – выступил вперёд офицер с эмблемами контрразведчика в чине капитана, – хоть вы объясните, что это очень опасно. Я ведь за жизнь товарища полковника головой отвечаю.

Нытьё капитана совсем не понравилось Галину, но сермяжная правда в его словах была.

– Действительно, – обратился он к Ульянову, – капитан прав. Я тоже считаю, что это плохая идея.

– Товарищ полковник! – неожиданно вскипел Ульянов. – Я ведь вас не учу воевать. Вот и меня не надо учить, как проводить испытания! Они у меня далеко не первые, да и в боевых действиях принимать участие тоже, знаете ли, доводилось. В конце концов, у меня бумага есть, вот!

Конструктор вытащил из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул Галину. Документ, отпечатанный на бланке ГКО, предписывал всем воинским начальникам оказывать всяческое содействие инженер-полковнику Ульянову В. И. в деле особой государственной важности. Под документом стояла подпись Сталина.

Галин свернул бумагу и протянул Ульянову. Потом участливо посмотрел на капитана.

– Извини, брат, но против такого лома даже у меня нет приёма! – Обращаясь к инженер-полковнику, указал рукой в сторону входа на лестницу, ведущую на колокольню. – Про-

шу!

Пропустив Ульянова вперёд, жестом остановил ринувшихся за ним офицеров.

– А вас, товарищи, попрошу остаться! На верхней площадке места и для троих-то мало, – и приказал часовому перекрыть вход.

Подымаясь по крутым ступеням следом за Ульяновым, Галин спросил:

– Товарищ полковник, вы сказали, что принимали участие в боевых действиях; можно узнать, в каких?

– К сожалению, нельзя, вы уж извините...

– Понимаю, – ответил Галин, – и, в свою очередь, прошу прощения за бестактный вопрос.

Помолчали. Потом Ульянов спросил:

– Павел Михайлович, вы стихи любите?

– А кто же их не любит? – осторожно ответил Галин.

– Тогда можно я прочту вам одно из последних стихотворений Эренбурга?

Не туманами, что ткали Парки,
И не парами в зелёном парке,
Не длиной, – а он длиннее сплина,
Не трезубцем моря властелина,
Город тот мне горьким горем дорог,
По ночам я вижу чёрный город,
Горе там сосчитано на тонны,

В нежной сырости сирены стонут,
Падают дома, и день печален
Средь чужих уродливых развалин.
Но живые из щелей выходят,
Говорят, встречаясь, о погоде,
Убирают с тротуаров мусор,
Покупают зеркальце и бусы.
Ткут и ткут свои туманы Парки.
Зелены загадочные парки.
И ещё длинней печали вёрсты,
И людей ещё темней упорство...

Голос Ульянова смолк. Галин ругнул себя: «Мог бы и допереть! Где до сей поры зенитчику вольготно было свои задумки испытывать, как не в Лондоне?»

**

Уже знакомый Галину наблюдатель их появлению был искренне рад, что выразилось в простецкой улыбке на добродушном конопатом лице.

– А ты что, сержант, так отсюда и не спускался? – удивился Галин.

– Так не положено нам, – простодушно объяснил боец. – Вдруг эти гады опять полезут?

– А как же обед?

– Так я тут подхарчился, – улыбнулся сержант. – Мне товарищ старшина по такому случаю двойную пайку отвалил!

– Для убедительности боец потряс увесистым вещмешком.

– Ты вот что, следи-ка повнимательнее за небом, – приказал Галин, – есть сведения, что немцы на нас авианалёт готовят.

– Есть! – Сержант взялся за бинокль.

– Ты, Владимир Ильич, не пеняй мне, что я к сержанту на ты обращаюсь, – тихонько сказал Галин Ульянову. – Мы тут с ним давеча на пару атаку отбивали, каждый в пределах своей компетенции, так что теперь, считай, боевые товарищи.

Ульянов окинул глазом панораму прошедшей битвы и понимающе кивнул.

Галин взялся за бинокль:

– Пока супостаты не прилетели, дай-ка я на твой бронепоезд погляжу. Где он у тебя?

– Смотрите, чуть левее вон тех развалин, – скорректировал рукой Ульянов.

– То не развалины, – не отрывая глаз от окуляров, пояснил Галин, – то совсем наоборот, недостроенный форт. Там только фундамент заложить успели, да казематы построили, а стены едва-едва возводить начали, вот вам и показалось... а, вон, вижу!.. Какой-то он у вас не такой, бронепоезд-то. – Галин оторвался от бинокля и посмотрел на кон-

структора. – Две орудийные башни на концевых вагонах, а дальше сплошь пулемёты торчат. Где ваши зенитные установки-то?

– В походном положении они закрыты бронещитами, – пояснил Ульянов. – Хотя пора их уже изготовить в боевое положение. Сейчас узнаю, чего они тянут.

Ульянов извлёк из висевшего на ремне чехла какой-то прибор и выдвинул из него антенну.

– Это у вас радиотелефон такой? – удивился Галин.

– Ну да, – подтвердил Ульянов. – Вашим частям они ведь тоже по штату положены?

– Так они у нас и есть, – усмехнулся Галин. – Только размером с рацию.

– Старого образца, – сказал Ульянов. – Не поспевает промышленность за нами.

«Это-то и хреново, – подумал Галин. – Вроде и есть у нас новое вооружение и необходимые армии приборы, а вроде и нет их!»

– Сейчас начнут! – сказал Ульянов, закончив говорить. Галин хотел уточнить: кто и что начнёт, но тут всё увидел сам. На двух броневгонах разом отодвинулись верхние щиты, и в образовавшихся отверстиях показались платформы с установленными на них многоствольными орудиями, по четыре ствола в три ряда.

– Ух ты! – воскликнул Галин. – На «Град» похожи.

– Есть сходство, – согласился Ульянов, – только у тех

направляющие трубы больше и по длине, и по диаметру, а принцип, да, тот же.

– То есть стрельба ведётся реактивными снарядами? – уточнил Галин.

– Не совсем так. Можно, конечно, называть их специальными зенитными снарядами, но мы всё-таки называем этот продукт самонаводящимися зенитными ракетами.

– Это как? Они управляемые что ли?

– Управляемые ракеты пока в стадии разработки. Но они и размером будут много больше, и старт у них иной. Что до нашей ракеты, то в её боеголовку вмонтирован датчик инфракрасного излучения. А как известно, любой самолёт в полёте является сильным источником этого самого инфракрасного излучения. Вот одно другое и находит. Это если совсем просто.

– погоди. Вот, положим, ваша установка дала залп двенадцатью, как ты их называешь, ракетами, а в это время вблизи от места пуска стоят танки с заведёнными двигателями – тоже ведь источник инфракрасного излучения? И что, ваши ракеты клюнут носом и будут долбить наши танки?

– Не клюнут и долбить не будут. Причин тому несколько. Но, чтобы не углубляться в теорию, назову лишь одну. Инфракрасный датчик самонаведения включается с задержкой по времени, где-то на подлёте ракет к заданной цели.

– А как вы определяете время подлёта?

– Честно говоря, пока никак, – смущённо улыбнулся

Ульянов. – Просто пока наши ракеты летят всегда в одно и то же место, которое можно скорректировать лишь по дальности и высоте.

– Не понял... – протянул Галин.

– Сам не понял. Давай по-другому. Пуск ракет производится по данным, полученным с радара. Видел антенну на одном из вагонов? Радиолокатор захватывает цель и ведёт её по высоте и дальности. Ракетчики наводят установки на определённую точку и ждут команду с локатора. Пуск производится с таким расчётом, чтобы ракеты и самолёты достигли заданной точки одновременно.

– И датчики самонаведения начинают работать тоже на подлёте к этой точке, – добавил Галин.

– Молодцом! Суть уловили.

– А если ракета не попадёт в цель, что тогда?

– Тогда сработает датчик самоуничтожения, – пояснил Ульянов.

– А если в том месте рядом с вражескими окажутся и наши самолёты?

– Могут быть сбиты, – неохотно ответил Ульянов.

– Глупые у вас ракеты! – сказал Галин.

– Ну, извините, других пока нет! – развёл руками конструктор.

У Ульянова затрещал радиотелефон. Тот поспешил поднести устройство к уху.

– Так... Так... Попросите их повисеть пока в сторонке.

После третьего залпа дадите им отмашку. Удачи!

– Летят, – сказал Ульянов Галину, убирая радиотелефон обратно в чехол. – Идут одной группой двумя эшелонами: ниже пятьдесят два бомбардировщика, над ними истребители прикрытия.

В посёлке взвыли сирены воздушной тревоги.

– Ты что-нибудь видишь? – спросил Галин у наблюдателя.

– Пока нет, товарищ полковник! – ответил тот, шаря биноклем по небу.

– А кого это вы попросили повисеть? – спросил Галин теперь уже у Ульянова.

– На подлёте наши истребители. Мы попросили их пока в драку не лезть, чтобы не попасть под удар своих же ракет, – пояснил Ульянов.

– Понятно... – протянул Галин. – А залпов вы дадите всего три?

– Больше не успеем, ведь это всего лишь испытания, – извиняющимся тоном ответил Ульянов.

– Семьдесят две ракеты тоже неплохо, – свеликодушничал Галин. – Если все попадут в цель, то зенитчикам и летунам совсем работы не останется. Кстати, мои зенитчики с вами в доле?

– Связь с вашими зенитчиками мы поддерживаем, – ответил Ульянов, – но по взаимной договорённости каждый действует сам по себе. А ракеты... Нет, все не попадут. А те, что попадут, могут несколько поразить один самолёт. Так что...

– Ну, будем поглядеть, – подытожил Галин.

– Летят, – крикнул наблюдатель. – Летят, товарищ полковник!

– И наши «ласточки» пошли! – воскликнул Ульянов.

Галин повернул голову. Правее колокольни небо прочертили двадцать четыре светлые полосы, которые быстро уходили вдаль, навстречу невидимому пока невооружённым глазом врагу.

**

Залп ракетных установок видели и лётчики истребительного полка Юго-Западного фронта, что барражировали теперь в небе над Узловой.

**

Немецкие лётчики раньше зенитных ракет не видели. Им говорили: у русских они пока на стадии разработки, так что встретить их в воздухе они никак не рассчитывали. Строй бомбардировщиков рассыпался...

«Мессершмиттам» повезло. До их верхнего эшелона ракеты не долетели вообще. Зато под ними творилось нечто невообразимое. Пикировщики Ju-87, кто как мог, уворачивались от мелких бестий, налетевших на них как рой бешеных ос.

Если в какой самолёт попадало сразу несколько ракет, его разрывало на части. Те, в которые попало всего по одной ракете, частью устремились к земле, чтобы через секунды зажечься на ней факелом, частью повернули назад, освобождаясь на ходу от смертоносного груза.

**

С колокольни всё это наблюдали в бинокли.

– Семь самолётов сбито, одиннадцать повернули назад! – доложил Ульянов, приняв сообщение по радиотелефону.

– Так, глядишь, и не долетит ни один, – одобрил Галин, следя за тем, как вторая группа ракет подлетает к вражеской эскадре. Но немцы, видимо, как-то приспособились. После второго ракетного залпа на землю упало только четыре «Юнкерса» и ещё семь повернули назад. Третий залп накрыл пикирующие бомбардировщики, когда они готовились выйти на боевой курс. Может, поэтому результат оказался лучше, чем в предыдущей серии. Ещё семь Ju-87 посыпались на землю, зато назад не повернул ни один.

**

Командир авиаполка, получив команду с земли, отдал приказ:

– Первая, вторая эскадрильи занимают «Юнкерсами»,

остальные – «Мессершмиттами». Вперёд, сынки!

– Минус тридцать шесть, совсем неплохо для начала! – констатировал Ульянов. Глянул в небо и покачал головой: – А теперь нам лучше укрыться внутри колокольни!

– Сержант, вниз! – скомандовал Галин.

Когда наблюдатель скатился внутрь колокольни, полковник Ульянов последовал за ним. Уже наполовину спустившись в люк, обернулся. Комбриг стоял, замерев на месте и устремив взор в небо. Оттуда, казалось, прямо на колокольню, пикировал «Юнкерс», ведя огонь сразу из обоих пулемётов. Так близко смерти в глаза бывалый воин Павел Михайлович Галин в своей жизни ещё не заглядывал. Его охватило какое-то непонятное оцепенение. Он, не отрываясь, смотрел на вращающийся пропеллер и на два подмигивающих ему огненными вспышками пулемётных дула. Правая рука его повторяла давно, казалось, забытые движения. Командир бригады, коммунист, полковник Галин крестился.

– Твою бригаду! – Полковник Ульянов рывком выкинулся из люка, обхватил руками ноги Галина и, что есть силы, рванул комбрига на себя. Не успели оба исчезнуть в люке, как церковные колокола откликнулись мелким перезвоном на удары кусочков горячего свинца. Ещё миг – и от фюзеляжа «штуки» оторвётся бомба, неся смерть и самой колокольне, и людям, в ней находящимся...

Откуда-то сверху соколом упал краснозвёздный истреби-

тель, длинной очередью разбил ветровой колпак, изрешетил пулями тело немецкого лётчика. Тот, не успев сбросить бомбу, разом выпустил штурвал. «Юнкерс» клюнул носом и вскоре с ужасным воем врезался в землю рядом с колокольней, уйдя в неё по самый хвост. Так открыл счёт победам лётчик-истребитель старший лейтенант Василий Сталин.

Ещё не пришедшие в себя Галин и Ульянов услышали взрыв, ощутили, как вздрогнула колокольня, но на этом всё и кончилось...

Спускались молча. Выйдя на свет божий, были сразу окружены подбежавшими офицерами. Галин трясущимися руками достал из кармана портсигар, сунул в рот папиросу. Недоуменно посмотрел на огоньки сразу от нескольких зажигалок, потом прикурил. Он уже год как бросал курить, постепенно снижая дневную норму выкуренных папирос. Эта была сегодня «лишней», но Павел Михайлович не сомневался, что Оленька ему этот грех простит.

Ульянов выглядел бодрее. Покачивая головой, осмотрел торчащий из земли хвост «Юнкерса», подошёл к сидевшему в сторонке наблюдателю. Тот попытался вскочить, но полковник его остановил, присел рядом.

– Ну, как вы? – спросил. – Не сильно этого чёрта испугались? – Кивнул в сторону торчащего из земли хвоста.

– Испугался, товарищ полковник, врать не буду, – честно признался сержант. – Но, видно, не зря мама мне ладан-

ку на шею повесила. Не допустил Господь гибели в храме своём!

– Будешь домой писать, передай маме от меня поклон, – сказал подошедший Галин. Негромко предложил Ульянову – Отойдём?

Отведя полковника в сторону, поблагодарил:

– Спасибо!

Пожимая протянутую руку, Ульянов негромко спросил:

– Ты что, под бомбёжкой не бывал?

– Выходит, нет, – ответил Галин. Потом позвал сержанта: – Пойдём!

– Куда вы? – поинтересовался Ульянов.

– Туда, – кивнул Галин в сторону колокольни. Кивнул на небо, где удалялся на запад воздушный бой, пояснил: – Там они обосрались, теперь на земле попрут. Ничего, теперь уж точно и здесь обсерутся!

– А я пойду на бронепоезд, – сказал Ульянов, и добавил, себе в оправдание: – Всё одно запас ракет исчерпан.

Галин, пожимая на прощание конструктору руку, сказал: – Побольше своих установок на фронт присылайте. С ними меньше нашей крови прольётся!

Гитлер слушал доклад Кейтеля, сцепив по обыкновению руки чуть выше причинного места. Когда генерал-фельд-

маршал закончил, фюрер окатил его водянистым взглядом и уточнил:

– То есть, вы считаете, что фон Боку удалось выполнить поставленную задачу?

– Да, мой фюрер! – подтвердил Кейтель. – Стремительное наступление наших войск, входящих в группу армий «Неман», сделало реальным потерю русскими плацдарма на правом берегу одноимённой реки, а также взятие в полукольцо, или даже полное окружение крепости Гродно. И хотя форсировать Неман войскам фон Бока не удалось, русским пришлось перебросить в этот район все имеющиеся у них к настоящему времени резервы, и, что самое главное, начать переброску части войск с плацдарма западнее крепости Гродно. Результаты авиаразведки подтверждают. Теперь пришло время войскам фон Бока перейти к активной обороне, постоянно грозя русским угрозой прорыва.

– Отдавайте приказ, – глаза Гитлера лихорадочно блестели. – Путь фон Бок правее Гродно и фон Лееб на всём протяжении «Прусского вала» держат противника в напряжении, в то время как войска Манштейна приступят к выполнению завершающей стадии операции «Тевтонский меч». Пора отсечь русскому медведю лапу, которой он замахнулся на Великую Германию!

**

На одном из заседаний высшего генералитета Адольф Гитлер заявил: «Пруссия – железная перчатка на лапе русского медведя, которой он держит нас за горло!»

Генералы не забыли высказывания фюрера, и в день его триумфального проезда по улицам заплаканного Парижа положили перед рейхсканцлером на стол план войны против России, который в тот же день получил кодовое название «План Барбаросса». Впрочем, этим его сходство с одноимённым планом ТОГО времени и ограничилось.

По случаю прибытия на фронт председателя ГКО Жукова срочно отозвали из Волковыска...

После запрета на курение в ходе любых заседаний Сталин строго придерживался закона, во время голосования за принятие которого сам когда-то воздержался. Однако от привычки тискать трубку не отказался, да и не хотел. Она и теперь грелась в его руке, пусть и пустая. Доклад Жукова он слушал, сидя рядом с Рокоссовским, внимательно следя за указкой в руках докладчика.

– Таким образом, войскам 5-й армии без привлечения каких-либо значимых резервов удалось остановить наступление германских войск левее Гродно на рубеже реки

Неман. Особо хочу отметить командование 54-й мотострелковой бригады, которая в одиночку остановила продвижение эсэсовской дивизии «Мёртвая голова»! В связи с этим прошу товарища Сталина поддержать моё представление о присвоении командиру 54-й мотострелковой бригады полковнику Галину звания генерал-майор. Генерал-лейтенант Жуков доклад закончил!

Наступила тишина. Все ждали, что скажет Сталин, а он не спешил с ответом. Привычка держать паузу такой продолжительности, чтобы в конце её все присутствующие испытывали неловкость, осталась у Кобы и в ЭТОМ времени. Наконец, председатель ГКО сказал:

– Неверно раздавать награды и звания, когда мы добились лишь промежуточного результата. Но это ваше представление, товарищ Жуков я, пожалуй, поддержу! Передайте бумагу моему секретарю, завтра же лично положу её на стол перед президентом!

Следующим докладывал командующий Западным фронтом генерал-полковник Рокоссовский.

– Активная оборона и умелое маневрирование войсками, которые продемонстрировало командование 5-й армии, позволило создать у противника иллюзию использования на участке наступления группы армий «Неман» всех наших резервов. Для поддержания этой иллюзии, в ближнем тылу наших войск организована ложная переброска больших воинских соединений с одного участка фронта на другой.

По сведениям, полученным одновременно из нескольких источников, противник поверил: правый фланг нашей обороны значительно ослаблен, в то время как на самом деле западнее Гродно сосредоточены наши основные силы.

– Всё это хорошо, товарищ Рокоссовский, – своим знаменитым размеренным тоном произнёс Сталин. – Я бы даже сказал: всё это очень хорошо. Но вы абсолютно уверены, что немцы теперь нанесут удар всеми имеющимися резервами там, где вы их ждёте: западнее Гродно?

– Как известно, товарищ Сталин, абсолютную гарантию даёт только государственное страхование, – отважился на шутку Рокоссовский. – Но вероятность наступления войск противника именно на этом направлении и именно в ближайшие часы очень велика!

Поднялся с места Жуков:

– Генеральный штаб поддерживает такую уверенность командования Западным фронтом, товарищ Сталин!

– Хорошо, товарищи, – улыбнулся Сталин. – Я полностью удовлетворён вашим ответом!

Как бы вы ни ждали вражеского наступления, и как бы верно ни была организована ваша оборона, выдержать удар танковой армии, наступающей к тому же на узком участке фронта, вряд ли возможно. И даже тот факт, что из трёх кор-

пусов, входящих в состав этой армии, два являются моторизованными и только один действительно танковым, мало что меняет...

Командующий группой армий «Курляндия» генерал-полковник Манштейн быть острём «Тевтонского меча» назначил 2-ю танковую армию под командованием генерал-полковника Хайнца Вильгельма Гудериана. Со своей задачей «Быстроходный Хайнц» на начальном этапе операции справился более чем успешно...

Как всегда ранним утром – и чего им не спится? – передовые позиции союзных войск примерно на равном удалении от крепостей Гродно и Алитус (восточный форпост Прусского вала) подверглись массированному артобстрелу и авиаударам. После этого вперёд двинулись одновременно все три корпуса 2-й танковой армии. Впереди, давя оборону, шли танки, следом ломались бронетранспортёры и пехота. Не успела осесть пыль, поднятая тысячами гусениц, колёс и сапог, как в образовавшийся прорыв устремились две общевойсковые германские армии, разворачивая наступление одновременно в направлении Гродно и Алитуса.

Впрочем, их продвижение не было ни стремительным, ни долгим, и по очень простой причине. На обоих вспомогательных направлениях танков было задействовано по минимуму: вся бронетехника сосредоточена на направлении глав-

ного удара. Как только крепостная артиллерия стала доставать до переднего края, наступление на Гродно и Алитус остановилась. Вермахт вовсе не собирался штурмовать хорошо укрепленные твердыни. Перед обеими общевойсковыми армиями из состава группы «Курляндия» стояла более простая задача: поддерживать образованный в результате прорыва 2-й танковой армии коридор, через который шло снабжение ударной группировки топливом, боеприпасами и провизией, через него же она (группировка) пополнялась резервами.

**

Начальник Генерального штаба объединенных вооруженных сил СССР, маршал СССР Абрамов вызвал к аппарату командующего Северо-Западным фронтом генерала армии Слащёва.

– Яков Александрович, доложи обстановку!

– Пока всё идёт по плану, товарищ маршал! Гудериан без боя овладел переправами через Неман и городом Друскининкай. В настоящее время его войска движутся вдоль шоссе Друскининкай-Вильнюс. Были с их стороны попытки перерезать железнодорожную ветку Гродно-Вильнюс, но там мы их шуганули.

– Не слишком быстро идёт? Я имею в виду: Гудериан далеко не дурак, может почуять ловушку.

– Обижаете, Глеб Васильевич! Мы ведь не вовсе без оглядки драпаем, огрызаемся помаленьку. К тому же Гудериан привык к блицкригам.

– Так-то оно так, но ты всё-таки держи ухо востро!

– Слушаюсь, товарищ маршал!

Абрамов положил трубку, хотел подойти к карте. Звонок.

Адъютант:

– Товарищ маршал! Пять минут назад звонили из приёмной президента.

– Вызывает к себе?

– Никак нет, хотел переговорить по телефону.

– Почему не соединил?

– Не было велено. Президент сказал: пусть закончит разговор со Слащёвым, потом срочно перезвонит мне.

– Ну, так соединяй!

Президент ответил почти мгновенно. Видимо, ждал у аппарата:

– Здравствуйте, Глеб Васильевич!

– Здравия желаю, товарищ Президент!

– Что там Слащёв?

– Держит обстановку под контролем!

– Уверены? Мне недавно звонил президент Литвы. Он очень обеспокоен продвижением германских войск к столице республики.

– Они скоро повернут! Но даже без этого для беспокойства нет никаких причин. Вильнюс прикрыт надёжно!

– Я, собственно, так ему и сказал. – Последовала небольшая пауза, потом Александрович спросил:

– Глеб Васильевич, как скоро вы рассчитываете остановить продвижение германских войск вглубь нашей территории?

– В ближайшие часы, товарищ Президент! Как только армия Гудериана окажется в центре треугольника Вильнюс-Каунас-Алитус – ловушка захлопнется! После этого наступать будем только мы!

Мощный «Хорьх», недовольно ворча, самоотверженно преодолевал ухаб за ухабом. И пресловутое русское бездорожье здесь абсолютно ни при чём: дорога разбита гусеницами танков – его танков. Солдату, да ещё танкисту, не пристало жаловаться на тряску, особенно если у тебя под сиденьем мягкое сидение. Впрочем, справедливости ради надо сказать, Хайнц Вильгельм Гудериан на такую мелочь вовсе и не заморачивался. Мыслями генерал ещё был на том не лишённом привлекательности поле, на стыке литовских и прусских земель, где теперь догорали останки доброй трети танков его армии. Потери могли быть много больше, не прикажи он вовремя отступить. И всё равно он чувствовал себя пастухом, который обещал стаду тучные пастбища, а привёл в итоге на бойню. А как ещё прикажете называть то, что

произошло на усыпанном цветами поле, куда он вывел свою стальную армаду?

**

Накануне ночевали в небольшой литовской деревушке. В отличие от покинутых населением белорусских деревень, местные жители предпочли встретить германское воинство на пороге своих домов. Смотрели молча, без особой радости, но и без ненависти. О размещении на постой с местным старостой договорились быстро. Мародёрство и какое-либо насилие над мирным населением он загодя запретил под страхом смертной казни. Так что ночь прошла спокойно. Гудериан отлично отдохнул на пуховых перинах, потому утром дух его стремился куда-то ввысь, и генерал полез на колокольню. Небольшая церквушка, увенчанная католическим крестом, облюбовала под себя холм на краю деревни. Армейская разведка, которая единственная, если не считать часовых, провела эту ночь без сна, отрапортовала: «Впереди свободное от войск противника пространство!» Теперь с колокольни Гудериан оглядел это пространство в бинокль. Оглядел и улыбнулся. Чёрт возьми! Кажется, сегодня у его парней исполнится тайная мечта любого танкиста: врубить на полную и мчаться вперёд по равнине, карабкаться на холмы и скатываться с них в долины, давя гусеницами всякую встречную мелочь – пусть не лезет!

Гудериан посмотрел назад. Сверху было отлично видно, как выползают за край деревни боевые машины, выстраиваясь в ударный ордер. Чем-то эти лязгающие гусеницами и взывающие на разной тональности двигателями творения рук человеческих напоминали рвущуюся с поводков перед началом псовой охоты свору борзых собак. Разве мог он заставить их дольше томиться? И поводок был отпущен!

Гудериан ещё несколько минут наблюдал за тем, как цветущее поле превращается в массив мелко вспаханной земли, потом повернулся и направился к лестнице, ведущей с колокольни. Обернуться его заставил непонятный звук, который нарастал с каждой секундой. С той поры Гудериан на всю жизнь запомнил, как «поют» летящие к цели реактивные снаряды, выпущенные русской установкой залпового огня «Град». А тогда он не успел удивиться странной музыке, как его продвинувшиеся на значительное расстояние передовые батальоны накрыл шквал из огня и стали.

Больше всего в этом кошмаре пострадала пехота, броня БТР оказалась плохой защитой. Для танков урон от обстрела был менее значительным. Они, хоть и перешли на более низкую передачу, упорно продолжали ползти вперёд, оставив сзади лишь несколько чадающих собратьев. Обстрел реактивными снарядами прекратился так же внезапно, как и был начат. К этому времени Гудериан спустился вниз, и с церковного порога продолжал руководить боем. Он уже понял, что последние до заветного рубежа километры лёгкими не будут.

Что ж, тогда его армия пройдёт их с боем!

Обстрел установками залпового огня был неприятным сюрпризом, но дальнейшие действия русских просчитывались, и Гудериан вызвал авиацию. Вовремя! С начала войны солдаты вермахта успели познакомиться со штурмовой авиацией русских, даже успели прозвать этих летающих монстров «чёрной смертью». Однако до сих пор штурмовики летали небольшими группами и нападали исключительно на маршевые колонны. Здесь они впервые атаковали наступающие бронетанковые части, атакуя большим количеством самолётов, волна за волной. «Мессершмитты» прилетели вовремя, но помочь, увы, не смогли. Русские истребители прикрытия связали их боем и стали постепенно оттеснять на юг. Пришлось отбиваться от штурмовиков своими силами.

Гудериан с мрачным выражением слушал доклады о растущих потерях и даже сведения о подбитых русских самолётах не делали его лицо добрее.

Штабные офицеры в очередной раз передвинули линию продвижения его войск на несколько километров вперёд, и Гудериан велел штабу собираться. Пора переносить командный пункт вслед за наступающими войсками.

Как раз в этот момент и пришло сообщение о том, что противник нанёс фланговые удары по его передовым частям одновременно с двух сторон. Вновь расстелили уже было убранную карту.

Небольшие рожицы подступали к полю, по которому дви-

галась сейчас его армия. Ещё ночью противника там не было. Гудериан вполне доверял своим разведчикам. А теперь оттуда атакowali русские БМП. Всё это напоминало... Гудериан решительно ткнул в карту пальцем:

– Сюда. Разведку на мотоциклах. Срочно!

Штаб остался на месте. Все напряжённо ждали сообщений.

Первое пришло от командира передового танкового корпуса. Генерал сообщал, что прямо по фронту замечено большое скопление русских танков. По предварительной оценке, не менее дивизии. Корпус вынужден остановиться, чтобы дождаться отставшую мотопехоту, перегруппироваться и изготoвится к атаке. Генерал просил прислать резерв. Гудериан одобрил всё, кроме отправки резерва, приказал генералу по готовности к наступлению доложить, но без особого распоряжения не атаковать. Начальник штаба армии, продолжая заниматься текущими делами, нет-нет да и бросал на командующего тревожные взгляды. Он никак не мог взять в толк, что же так беспокоит обычно уверенного в себе патрона?

Разгадка пришла вместе с донесением от разведчиков. В заданном квадрате они напоролись на колонну русских танков. Пасьянс сложился! Начштаба вновь увидел прежнего Гудериана.

– Немедленно отправьте весь резерв в квадрат, где наша разведка обнаружила русские танки! – голос Гудериана зву-

чал твёрдо и властно. – Передайте командиру резерва: любой ценой сдерживать русских до получения особого приказа, и срочно соедините меня с Манштейном!

Выслушав доводы командира 2-й танковой армии, командующий группой армий «Курляндия» ответил коротким «Ждите!» и положил трубку. Отдав несколько распоряжений, Манштейн приказал адъютанту обеспечить ему полчаса абсолютного покоя, после чего опустился в глубокое кресло и прикрыл глаза. Если то, о чём сообщил Гудериан, в полной мере соответствует действительности, русские заманили его ударную группировку в котёл, вот-вот накроют его крышкой, после чего начнут планомерное уничтожение попавших в окружение частей. Нет, каков Слащёв?! Как он ловко дал понять, что поверил: целью Гудериана является Прибалтика, сделал вид, что лихорадочно стягивает все имеющиеся под рукой войска в районе Вильнюса, ослабляя тем самым направление на Кёнигсберг в обход Прусского вала. В своё время Манштейн входил в круг генералов, которым фюрер поручил дать экспертную оценку плану силового возврата Пруссии, получившему кодовое название «Тевтонский меч», и являющегося составной частью плана «Барбаросса», разработанного офицерами Генерального штаба сухопутных сил под руководством генерал-лейтенанта Паулюса. В целом план Манштейну понравился, хотя отдельные его моменты ничего, кроме потаённой усмешки, не вызывали. Например,

изначально провальной казалась идея сразу после начала боевых действий поднять восстание в тылу мятежного анклава, нашпигованного коммунистами, не хуже чем набивают салом-шпик знаменитого зайца, жаренного по-берлински.

Теперь становилось очевидным: в плане допущен куда более серьёзный просчёт, который не заметили ни разработчики, ни авторитетная комиссия. В чём он состоит? О, желающих порассуждать на эту тему будет предостаточно. В чём в чём, а в этом можно не сомневаться! Но всё это потом, а пока...

Невесёлые размышления командующего прервал осторожный стук в дверь. Манштейн открыл глаза:

– Войдите!

На пороге возник адъютант:

– Полчаса прошло, господин генерал-полковник!

– Спасибо, Фриц! Данные авиаразведки поступили?

– Так точно! Только что принесли.

Просмотрев сообщения, Манштейн снял с аппарата телефонную трубку и попросил соединить его со Ставкой.

**

– Как?! – Гитлер потрясал кулаками перед лицом вытянувшегося по стойке смирно Кейтеля. – Как такое могло произойти?! Как план, одобренный моими лучшими генера-

лами, в самый последний момент превратился в смертельную ловушку для наших отборных частей?! И что вы теперь от меня хотите? Чтобы я разрешил Гудериану, в тот момент, когда он уже одной ногой ступил на прусскую землю, повернуться к противнику спиной и бежать?!

– Осмелюсь заметить, мой фюрер, – сверкнул моноклем Кейтель, – если отдать приказ об отводе армии Гудериана немедленно, то это будет не бегство, а планомерный отход на заранее подготовленные позиции.

– Действительно, это меняет дело, – саркастически усмехнулся Гитлер. Приступ бешенства прошёл, и тон, которым он теперь говорил, был уже вполне нормальным.

– Передайте Манштейну, что я разрешаю ему отвести войска на линию Гродно-Алитус.

19-МАЙ-41

Петроград

«И чего ему не сидится? Вертится на стуле, как карась на сковородке. Еле уговорил не вскакивать следом за мной. Теперь вот хожу по кабинету, рассуждаю, а он за мной и глазами, и головой, и телом норовит последовать. – Ежов посмотрел на молодого конструктора с живым лицом и острым взглядом, и устыдился собственных мыслей. – Чего ты, Ёрш, в самом деле? Не привык парень к „большим“ кабинетам. Ничего, станет главным конструктором – обвыкнется!» Эти мысли главного куратора оборонной промышленности СССР, председателя КГБ Ежова, относились к руководителю КБ-1 ГИКиРТ (Государственного института Космической и ракетной техники) Сергею Павловичу Королёву.

Меж тем вводная часть беседы, которая происходила тет-а-тет, вступила в завершающую фазу. Оставалось сказать ещё пару фраз и переходить к теме, ради которой Ежов, собственно, и посетил с визитом ГИКиРТ.

– ... Так что, дорогой Сергей Павлович, полёты в космос – наше, пусть и вполне достижимое, но всё-таки будущее. Что касается настоящего, – Ежов в упор посмотрел на конструктора, – то оно, как я понимаю, далеко не блестяще. И это при

том, что в КБ-2 продвинулись много дальше. Я хочу услышать от вас: в чём причина?

Королёв набрал в грудь воздуха...

**

Через час в том же кабинете, на том же стуле, где недавно сидел Королёв, расположился руководитель КБ-2 того же ГИКиРТ Вернер фон Браун. В отличие от импульсивного Королёва, фон Браун был спокоен, как только что пообедавший удав. Сидел ровно, за начальством глазами не водил. Покончив с вводной частью, Ежов, который в это время находился за спиной фон Брауна, произнёс, глядя в затылок инженера:

– Так что вас всё-таки связывает со шведским журналистом Хансом Улссоном, на поверку оказавшимся агентом германской разведки?

Не поднимаясь со стула, Фон Браун сделал пол-оборота туловищем в сторону Ежова.

– Так вам, Николай Иванович, всё наверняка доложили ваши сотрудники? – лицо его при этом осталось совершенно спокойным.

– Доложили, – кивнул Ежов. – Но мне бы хотелось услышать об этом от вас лично.

– Хорошо, – коротко вздохнул фон Браун. – Мы были с Хансом приятелями, даже выпивали иногда вместе, разу-

меется, до той поры, пока он не навёл на меня пистолет.

– И всё? – уточнил Ежов.

– Я не очень понимаю суть вашего вопроса, – предпочёл уйти от прямого ответа фон Браун.

– Я имею в виду, не были ли вы осведомлены о том, что Улссон является офицером абвера?

Вот теперь фон Браун слегка дрогнул. Но только слегка. Пожав плечами, он ответил всё так же спокойно:

– Не буду скрывать, о чём-то я, конечно, догадывался...

– А вот Улссон на допросе показал, что представился именно как агент абвера, и как раз в тот день, когда передал вам письмо от Дорнбергера.

Фон Браун брезгливо поморщился, лицо его заметно побледнело, но он хорошо держался.

– Тогда он должен был рассказать и о том, что я не принял приглашения.

– На самом деле он сказал нечто иное, – продолжая бурлить фон Брауна взглядом, – сказал Ежов, – но у нас есть сведения и из других источников, на основании которых мы сделали вывод, что вы действительно не были склонны к побегу.

Было заметно, что фон Браун с трудом сдержал вздох облегчения:

– В таком случае какие у вас могут быть ко мне претензии, ведь работой моей вы, кажется, довольны? Или, – фон Браун настороженно взглянул на Ежова, – мне хотят инкри-

минировать недоносительство?

– Могли бы, – подтвердил Ежов, – сложись обстоятельства несколько иначе. А так ценность вашей работы превышает ущерб от того, что вы сами назвали «недоносительством».

– То есть, у спецслужб ко мне претензий нет? – уточнил фон Браун.

– Будем считать, что нет, – подтвердил Ежов.

– Тогда к чему все эти вопросы?

– А вот к чему...

Ежов выхватил ближайший стул и уселся на нём верхом, лицом к инженеру.

– В Германию вы бежать не хотели – это правда. Но насколько охотно вы работаете на СССР? Подумайте. От правдивости ответа будет зависеть ваша дальнейшая судьба!

Фон Браун послушался совета и с ответом не спешил. То ли от раздумий, то ли от страха, на его лбу выступила испарина. Инженер достал чистый платок и промокнул лоб.

– Чёрт с вами! – решил он, наконец, на ответ. – Да, я не стремлюсь попасть в нынешнюю Германию, это вы верно подметили: не люблю, знаете ли, господина Гитлера, и всё, что с ним связано. Но и господина Тельмана я, уж извините, люблю немногим больше. И что получается? Мне, немцу, нет места на немецкой земле! Остаётся жить и работать в качестве иммигранта. Мне неплохо живётся в Петрограде. Я занимаюсь любимым делом и стараюсь делать его хорошо – иначе не приучен! Но есть вещи, которые меня беспокоят

и не дают работать в полную силу...

Фон Браун замолк. Ежов подождал немного, потом решил прийти инженеру на помощь:

– Вас тревожит то, что ваши ракеты будут использоваться против немцев, так?

Фон Браун кивнул.

– Ну, что ж, – сказал Ежов. – Ваши откровения совпали с теми выводами в отношении вашей персоны, к которым пришли наши аналитики.

– И что это может означать? – вскинул голову фон Браун.

– Только то, что мы можем вам доверять, – улыбнулся Ежов. – Что касается вашей дальнейшей работы, у нас есть к вам предложение. Только сначала ответьте вот на какой вопрос: как вы относитесь к японцам?

– К кому? – удивился фон Браун. – К японцам? Какое мне до них дело?

– Вот и хорошо, что никакого, – продолжил улыбаться Ежов. – В ближайшее время во Владивостоке открывается филиал вашего института, где будут создаваться крылатые ракеты для Тихоокеанского флота. Как вы смотрите на то, чтобы возглавить этот филиал?

Москва

– ... И он согласился? – взмахнув трубкой, которая в последнее время всё чаще была пуста, спросил Сталин.

– Не только согласился, а, по-моему, ещё и обрадовался, – ответил Ежов.

– То есть вопрос с трудоустройством товарища фон Брауна решён? – спрятал в усах усмешку Сталин.

– На ближайшее время, да, – подтвердил Ежов.

– Как на ближайшее? Не понял... – насторожился Сталин.

– Есть у меня предчувствие, что через некоторое время мы, может быть, обменяем Брауна у американцев на один очень важный секрет...

– Ты опять про ядерную бомбу? – спросил Сталин. – Скажи, это действительно такое мощное оружие?

– Настолько мощное, – подтвердил Ежов, – что его и оружием-то назвать нельзя. Скорее это одна из ипостасей смерти для всего человечества, выпускать которую на волю никак невозможно.

– Ну да, помню, – кивнул Сталин, – оружие сдерживания, гарант от всех последующих мировых войн, и тому подобное.

– Ты ещё сомневаешься? – спросил Ежов.

– Да как тебе сказать? – опять взмахнул трубкой Сталин. – Не верить тебе, как ты понимаешь, я не могу, но поверить до конца мне тоже сложно. Я же, в отличие от вас, ничего подобного не видел.

В кабинете председателя ГКО на время установилось молчание. Сталин посасывал пустую трубку, а Ежов рисовал на листе бумаги чёртиков. Сталин зашёл ему за спину, посмотрел на рисунки и констатировал:

– Не Репин!

– Согласен, – Ежов отложил карандаш.

– Скажи мне, Николай, – перешёл Сталин от оценки художественных способностей Ежова к продолжению прерванного разговора, – Ты действительно считаешь, что можно предложить американцам обменять ракетные секреты на атомные?

– Как вариант, почему нет? Тем более что Брауну с крылатых ракет не так легко будет перестроиться на межконтинентальные.

– Те, которые ты поручил проектировать Королёву? – уточнил Сталин.

– Ну, да, – подтвердил Ежов. – Королёв обеспечит нашему ракетостроению преимущество перед всеми другими странами и откроет человечеству дорогу в космос!

– А фон Браун, стало быть, американцев слегка притормозит? – лукаво улыбнулся Сталин.

В ответ Ежов только рассмеялся.

Мало объявить «Большой сбор», надо ещё подгадать под него время. Когда на дворе война, сделать это непросто, поскольку, за исключением Михаила Жехорского, его жены Евгении, и Наташи Ежовой, все остальные участники носили на плечах погоны.

Позже всех о предстоящем мероприятии узнала Ольга. Утром она прилетела из командировки и, минуя дом, велела везти себя на работу. Пока отчитывалась, пока разбиралась с текучкой – вот он и вечер! Спускаясь по лестнице в вестибюль, Васича даже и не высматривала – не будет маршал торчать у всех на виду: не по чину, да и не к чему! А вышла на улицу, и высматривать не пришлось: мягко шурша шинами, подкатила знакомая машина, и не менее знакомый офицер предупредительно распахнул перед ней дверцу. Поздоровавшись с порученцем мужа, юркнула в салон, где сразу оказалась в объятиях начальника Генерального штаба – ничего, Васич и одной рукой обнимал, будь здоров! Стекло, отделявшее салон от передних сидений, предупредительно поднято, так что общаться можно свободно. То, что говорит в основном она, а Васич, наоборот, отмалчивается, Ольга заметила не сразу, как и то, когда машина свернула на Садовое кольцо. Заметила – удивилась:

– Это зачем? Это мы куда?

– Это мы в «Яр», – улыбнулся Васич.

– Ах, даже так? – ещё больше удивилась Ольга. – Ну, надо же! Давненько я, Ёшкин каравай, с корабля на бал не попадала. – Резко повернулась к мужу. – А может, ну его? Я имею в виду: отложим, скажем, на завтра, а?

– Не получится, – покачал головой Васич. – Нас там будут ждать Жехорские и Ежовы.

– «Большой сбор»? – присвистнула Ольга. – Кто инициа-

тор?

– Я.

Ольга внимательно оглядела мужа:

– Причину, конечно, не раскроешь?

– Раскрою, но позже.

– Ладно, интриган, потреплю, но припомню. А сейчас вот что, прикажи-ка отвезти нас для начала домой!

– Зачем? – искренне удивился Васич.

– Тебе что, фуражка за день так голову натёрла, что сам не допетришь? Я что, вот так, в генеральской форме, в ресторан и попрусь?

– А что, – теперь уже Васич окинул жену оценивающим взглядом, – тебе даже очень идёт!

– Про то мне ведомо, – кивнула Ольга. – В казарме, на полигоне, в штабе, даже на улице – согласна, идёт. Но в ресторан любая нормальная баба должна являться в платье – лучше в вечернем, усёк?

– Так точно, – вздохнул Васич и включил связь с водителем.

В квартире Ольга сразу заявила:

– Я – в душ!

Васич и не спорил, лишь предупредил:

– Только недолго.

– Пять сек, – заверила Ольга. На ходу бросила через плечо: – Тебе, кстати, тоже переодеться не мешает.

– Зачем?

Ольга на секунду задержалась у двери ванной комнаты:

– Нет, тебе точно фуражка давит. Сам что, не понимаешь?

Друзья будут в цивильном, а ты, как свадебный генерал – пардон, маршал – будешь лампасами сверкать?

– А с чего ты решила, что ребята будут в цивильном, я имею в виду Ерша?

На столь дремучий вопрос Ольга отвечать не стала, скрылась за дверью. Васич постоял, пока в ванной не зашумела вода, потом направился к гардеробу, на ходу расстёгивая пуговицы на кителе.

В ресторан Абрамовы явились, разумеется, последними, а, значит, и выслушали причитающуюся по такому разу порцию подначек. Стол сервировали в отдельном кабинете, и на нём уже присутствовали лёгкие закуски и вино. Как только Абрамовы заняли своё место, словно из воздуха возник официант и разлил янтарного цвета жидкость по бокалам, после чего так же незаметно испарился.

Первый тост подняли за генерала Слащёва и его Северо-Западный фронт. О победе над танковыми полчищами Гудериана знали, разумеется, все. Особо закусывать не стали, выпили по второй. Все нет-нет, да и бросали взгляды на Абрамова, когда он поведает: зачем позвал? Но тот не спешил, о чём-то призадумался – решал, как начать?

Из этого состояния Васича вывел лёгкий тычок в бок.

– Ты послушай, что Шеф заливает, – шепнул Ежов. Абрамов прислушался.

– ... подходит она ко мне и говорит: вы, Михаил Макарович, давеча говорили про «котёл». А я хоть и женщина, но понимаю: никакого «котла» не получилось: вытекли немцы-то. Или генерал Слащёв крышку забыл закрыть?..

– Это он к твоей бочке мёда со своей ложкой дёгтя подбирается, – пояснил Ежов.

– Да понял я, – усмехнулся Абрамов, и уже громче спросил, обращаясь к рассказчику: – И что ты ей ответил?

– Ничего, – пожал плечами Жехорский, – сказал: у друга спрошу.

– Тогда передай своей сослуживице следующее. Нанести врагу поражение – дело важное. Но не менее важно людей при этом даром под пулями да снарядами не класть. Мы Гудериану той крышкой погрозили, чтобы он сам решил, как ему быть? Попёр бы вперёд – захлопнули бы крышку к чёртовой матери! И можете не сомневаться, от хвалёной 2-й танковой армии остались бы рожки да ножки, и те изрядно покоцанные! Но и наши потери возросли бы многократно, ибо загнанный в ловушку враг, что та крыса, дерётся отчаянно. А так попятился Гудериан, ну и ладно. Мы его драп сопровождаем, бьём при этом нещадно, но без лишнего фанатизма, оттого и потери наши, слава богу, минимальные.

Жехорский поднялся с места:

– Предлагаю поднять бокалы за генералов, которые и врага бьют, и солдат берегут!

Дальше тосты следовали привычной чередой, и только когда подали горячее, Васич попросил, наконец, слово.

– Если вы ждёте от меня какой-то пространной речи – напрасно. Скажу кратко: я подал прошение об отставке с должности начальника Генерального штаба!

Финальную сцену из «Ревизора» помните? Так вот, глядя на то, что творилось сейчас в кабинете, Гоголь бы нервно курил в сторонке.

Первой как-то отреагировала Наташа.

– Да как же так?.. – начала она, но тут опомнилась Ольга:

– Стоп, бабоньки. Чую, пора нам попудрить носики! – и увела подруг из кабинета, оставив мужчин одних.

Молодец, сообразила: втроём им легче разобраться, а от неё всё одно не убудет, разве что потерпеть придётся.

После ухода женщин мужчины некоторое время сидели молча. Потом Жехорский спросил:

– Так ты с этим приезжал сегодня к Александровичу?

– В том числе, – кивнул Васич.

– И?

– Он меня выслушал, и прошение удовлетворил.

– То есть, ты не посоветоваться нас позвал, а перед фактом поставить? – возмутился Жехорский. – Спасибо за доверие, друг!

– Доверие тут совсем ни при чём, – спокойно ответил Ва-

сич. – Просто решение моё продуманное и окончательное, и тратить попусту ваше время я счёл неправильным.

– Он, видите ли, счёл! – фыркнул Жехорский, но Ежов его остановил:

– погоди! – Потом обратился к Абрамову: – Хорошо, будем считать, что мимо этого мы проехали. Теперь объясни: откуда взялось такое решение?

– Не поверите, братцы, из прошлой жизни! – спрятав лёгкую грустинку в уголках губ, усмехнулся Абрамов. – А если точнее, то из биографии товарища Жукова, что была у него в ТОМ времени. Вспомнил, сколько он тогда солдат наших через свою жёсткость положил, и до того тоскливо мне стало, что...

– ...Решил ты уступить ему свою должность? – закончил фразу Ежов.

Абрамов кивнул.

– Ты, Ёрш, я вижу, уже всё понял, – посмотрел на Ежова Жехорский, – а я так ещё не до конца въехал, потому прошу подробностей.

– Имеешь право, – согласился Абрамов. – Ты ведь верно заметил, что Жуков и в ЭТОМ времени стал стремительно по службе продвигаться?

– Заметил, – согласился Жехорский. – Но мне показалось, что ты его под Рокоссовским держишь?

– Держал, – уточнил Абрамов, – пока было можно. А теперь – всё! Вот-вот вырвется Георгий Константинович

на оперативный простор, станет фронтом командовать.

– А специально гнобить ты его не желаешь... – рассудил Ежов.

– А основания? – спросил Абрамов. – У него на самом деле полководческий талант! Вот пусть он теперь его в Генеральном штабе и применяет, ко всеобщей пользе!

– От непосредственного управления войсками в стороне, – кивнул Жехорский. – Толково! А мы уж, все втроём, проследим, чтобы он с Генштаба до конца войны не слез!

– Сталин в курсе? – спросил Ежов.

– Разумеется! Или ты думал, я через его голову со своим прошением к президенту пошел?

– И что ты ему такого наговорил? – спросил Жехорский.

– Да уж, наговорил, – усмехнулся Абрамов. – Рассказал, как они с Жуковым в ТОМ времени «дружили».

– Интересно одно, – сказал Ежов. – Ты учёл, что ТОТ Жуков не очень-то жаловал штабную работу?

– За НАШИМ я такого не замечал. Но если так – его проблемы, – пожал плечами Абрамов. – Полководцев в этой реальности у нас и без него хватает.

– С этим не поспоришь, – кивнул Ежов. – А с тобой-то теперь что будет?

– Пока не знаю, – пожал плечами Абрамов. – Да, если честно, мне как-то без разницы.

– Ну, это ты брось! – нахмурился Жехорский. – Если тебе без разницы, то нам-то нет!

Вернулись женщины, и вечер продолжился, уже без сурпризов и треволнений...

**

На следующее утро Абрамову позвонил Сталин:

– Меня вызывают в Кремль на заседание Госсовета. Думаю, на нём будет обсуждаться и твой вопрос. До его решения все остаются на своих местах!

Ближе к обеду пришло сообщение: Сталин едет в Генштаб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.